

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 17 [1063]
СЕНТЯБРЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА:
Ремесло постигается
трудоём.

Фото Сергея Петрухина

12

ЭКЗАМЕН НА ПРОЧНОСТЬ.
Репортаж с трактородрома.

16

МОДЫ. ОСЕНЬ-71.
Предлагает Таллин.

20

У ВОДЫ.
Пляж на разных широтах.

24

«СИЛУЭТЫ»:
Лев Толстой.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«БЕСЕДА С ПАРТИЙНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ».
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КП АРМЕНИИ
А. Е. КОЧИНЯН О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

ГИГАНТ РОЖДАЕТСЯ В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ.
БУДНИ УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ

«КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ».
ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО РОССИИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

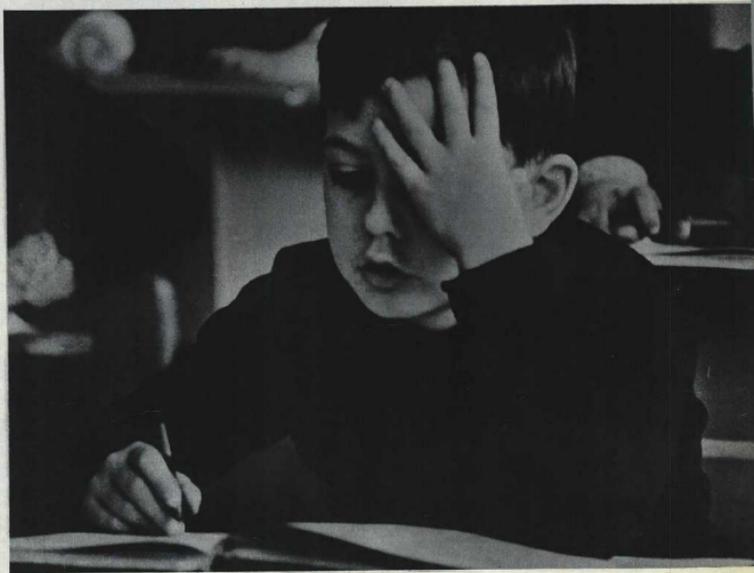
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашии, Г. П. Елкеев, А. П. Кулешов, А. А. Лихонов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашевич.

Художники О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

ДИПЛОМНИЦЫ ПОЛИ-
ТЕХНИЧЕСКОГО ИН-
СТИТУТА СЕСТРЫ.
БЛИЗНЕЦЫ ЮРАТЕ И
ЮРИГА МИЛЮШИ-
ТЕ — В ВУЗОВСКОМ
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОМ
ЦЕНТРЕ.

ЗАБОТЫ ПЕРВОКЛАСС-
НИКА.

Жена весь прошлый год просидела за партией. Она ведет младшие классы и осваивает новую программу. Дети посадили за парты учителей, Машам, которые тайком таскают еще в портфеле пистолетик или куклу, преподают законы алгебры, иностранные языки, эстетику. Институт в нынешних методиках еще спорно. Но одно несомненно: прежними темами никак не ослепит Гималаи накопленных знаний. — Кеплеринский улыбнулся, но я заметила, что это серьезно тревожит его. — Мы, конечно, не пытаемся нагрузить ребят и тысячной долей того, что изливается каменно из лабораторий и академических планет. Наша задача проще и важнее — разбудить в них желание знать. Если хотите, любопытство. И еще мы стремимся сэкономить им время, подсказывая путь, по которому идти. Я говорю о призвании. Хорошо, если треть выпускников к четвертой четверти знает, куда идти. Посмотрите, как расплывчат и безответственно пишут они подчас в сочинениях о своей мечте. Слишком много открылось дорог. И они стоят на развилке, не зная, куда податься. Мы создали при горнокобинете профессиональной ориентации. Врач, психолог, педагог готовы прийти на помощь каждому колеблющемуся. Не скрываю, пока это затея де-

СЕГОДНЯШНИЕ УЧЕНИКИ ТОРГОВОЙ ШКОЛЫ ОВЛАДЕВАЮТ КВАЛИФИКАЦИЕЙ ТЕХНИКОВ НА СТАЖИРОВКЕ В РЕСТОРАНЕ «ВАЛТИКА».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕХНИКУМ, БУДУЩИЕ ДИЗАЙНЕРЫ ЗАНИМАЮТСЯ ЖИВОПИСЬЮ.

леко не так популярна, как нам хотелось бы. Но мы не унываем. В каждой школе организован свой кабинет профориентации. Рассказываем ученикам о профессиях, приглашаем специалистов. У нас в Кеунасе в основном технические вузы и техникумы: таков профиль города. И вот педагоги стали замечать, что ребята увлечены интерес к теоретическим и гуманитарным наукам. Уже заранее настраивают себя на один из наших вузов или техникумов. Недавно мы собрали триста выпускников, пригласили из Вильноса ученых-теоретиков. Двое из приглашенных профессоров оканчивали наш политехнический, но потом их потянуло на теорию, они перешли в университет и полностью отдались математике. Кажется, некоторые ребята это вдохновило. Знаете, всегда должна быть разумная гармония. Одностороннее увеличение техники снижает общий культурный фон, лишает жизнь многих красок. А, согласитесь, наши дети достойны многокрасочной и счастливой жизни.—Келевинскис задумался, глядя в окно, где в парке зеленела веселая прозелень проступала из толпы земли трава.— Это радость наша и долг — подказать им правильный путь.

—Трое парней лет по двадцати сидели на подоконнике и гадали, как воробьи. За их спиной, освещенные облаками, сияло небо, ничем не заслоненное. Знание факультета автомата Кеунасского политехнического института новенькое — бетон и стекло. И вообще все здесь новое, начиная с мудреных названий читальных курсов и кончая машиной, которая

электронно и непроницаемо поглядывала на микроскопов, клеммами, тумблерами и лампами. Машина эта, выдавая разнообразные решения, включая и такие цветистые, как распределение студенческих сплендингов. Говорит, с тех пор, как НСО в порядке рационализации передало электронной машине эту функцию, нерадивые зачастили в машинный зал, хотя электронный судья начисто лишен состраданияльного аппарата.

Трое сидевших на окне и обсуждавших сейчас эту проблему. Сами они имели основания не бояться приговора машины. Все трое: Бургис Бронос, Мачинюс Эвженинос и Живаускас Паулос — немисправимые отличники на протяжении вот уже четырех лет. Кроме того, Бронос — комсомольский секретарь факультета, а Эвженинос — председатель НСО. Оно, собственно, и создал этот летучий совет, чтобы ликвидировать по-быстрей кое-какие погрешности в математических программах преподаваемых научных обществом.

— Давайте напомним с теории, — поправляя пальцем окно, говорил Паулос. Теория его конек.

— Ну, начнем! — соглашался Бронос и Эвженинос, которые мучивали себя уверенней, когда дело касалось микроскопом и узлов счетно-решающих устройств — словом, того, что можно пощупать. Оба они были на севе, родители их работали в колхозах. И ребята в четыре года преодолевали расстояние от тракторных рынков до транзисторов. Паулосу было полечче: отец его — инженер,

мать — врач. И учился Паулос в отличной городской школе № 1, где наставницей его была сама Баняйте, заслуженная учительница республики.

Баняйте сразу заметила даровитого ученика и охотно занималась с ним сверх программы. Паулос легко побеждал на математических олимпиадах и выбрал своим удачлом автоматикой.

«Иди, учись, это удивительно интересно», — говорила ему старая Баняйте. Она закончила ту же школу на пятьдесят лет раньше Паулоса, когда никакой кибернетики не было в помине и Резерфорд не расщепил еще атомное ядро.

Их аттестаты зрелости разделяла целая эра.

Кстати, так и назывались новейшие факультеты Кеунасского политехнического института: ЭРА — электроника, радиолокация, автоматика. Они выросли один из другого, как самовоспроизводящаяся система. Нужны были все более точные и умные машины. И знания, даваемые студентам, все углублялись и углублялись, достигла совершенства науки. Пятьсот пятьдесят часов одной математики. Студенты создавали головоломные математические модели, собирали узлы немиссимо сложных счетно-решающих устройств, схемы уникальных транзисторов.

— Когда попадаешь очень трудная задача, Баняйте говорила: «Если любишь — решишь», — усмехается Паулос.

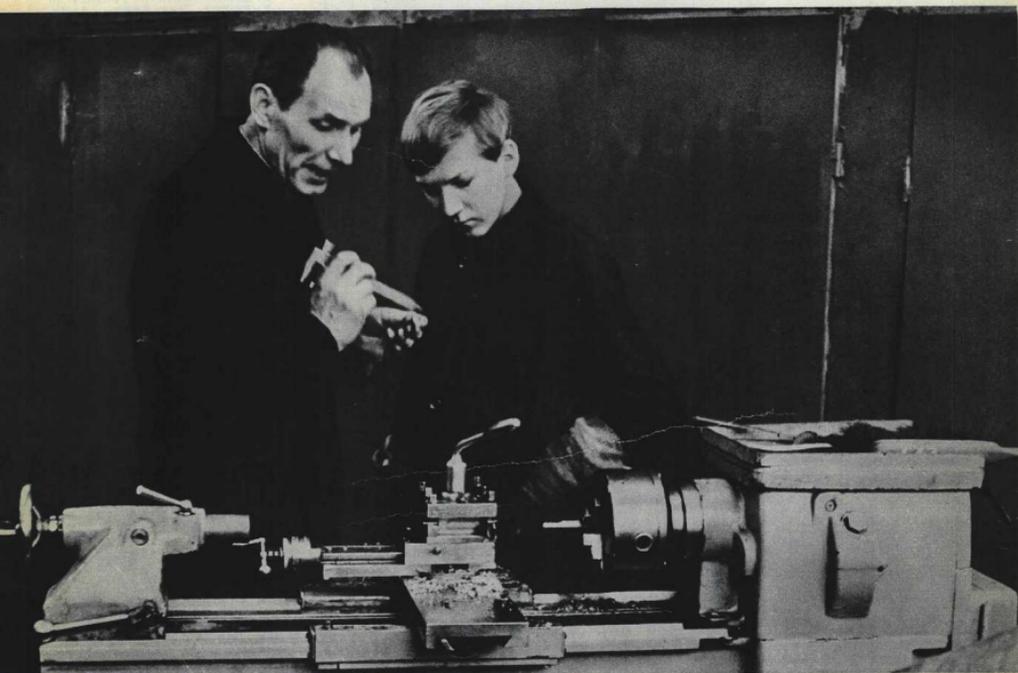
Эти трое, несомненно, любят свое дело. Наверняка, потому так соразны были их успехи, отмеченные для Эв-

жениноса и Броноса ленинской стипендией.

Я спросила Броноса и Эвжениноса, почему они, деревенские ребята, выбрали себе такую ультрасовременную, глубоко техническую специальность. Оказалось, что им, как и Паулосу, повезло с учителями по математике и физике. Те сумели сделать главное — передать эстафету любви и увлеченности. Стало быть, надежды Келевинскиса не были абстрактными. Школа все чаще становилась мостиком к будущей учебе — на всю жизнь.

Я Бронюса по аудиторiams политехнического, где учился семнадцать тысяч студентов, и думала, что вот здесь люди выйдут на свой первый контакт с обществом, на контакт с человечеством. И очень многое зависит от того, насколько плодотворным окажется этот контакт. Тысячи молодых граждан с новенькими, еще хрустящими паспортами, жуя пиროжки, перелистывая на ходу порванные книжки, хочоха во все горло и неловкие модные шпигеры, наполняли улицы старинного города, приносили тот удивительный аромат ожидания, без которого города стареют и обретают серый налет повседневности.

А вечером, когда утихали светлые корпуса, вынесенные с земли прямо в небо, и беспоконные студенты разлезались по домам и общежитиям, поивший профессор Новодворскис, которого знал любой самый непутевый первокурсник и о котором аспиранты говорили, что он знает все, как бог, входи в уютный вестибюль серого дома на улице Донелайтиса и,

расклавившись с дежурной, легко поднялся на второй этаж. Встречал его главный библиограф, высокий, бородатый человек с лицом тонким и значительным. «Простите, уважаемый Спиртис,— стараясь не мешать девушкам-библиографам, тихо говорил профессор,— не попадайтесь ли вам на глаза философский трактат некоего...» И они, забывая время, пустились в ослепительный поток человеческой мысли, исканий и страстей, запечатленных на киных страницах. Профессор был одним из самых пылких и постоянных читателей. Он приходил в библиотеку учиться.

Амико задник, выставившего два миллиона книг, постуывая каблуками, бежали на Лайсвас аллею студента. Они были счастливы, что учение на сегодня кончено и можно просто погулять. А в таком свете второго этажа сидел их профессор, который уже давно понял, что жажда знаний не утоляется и целой жизнью.

Спиртис говорил мне, что читатели пишут каждый день. Спрашивают, в каком году Эйнштейн сформулировал теорию относительности, просят выслать первое издание Ивана Франко. Зачастую в поиск включаются библиотеки Вильноса, Ленинграда, Москвы. И знаю всего пять языков, это малограмотно,— пожаловался Спиртис. Я невольно усмехнулся: профессор Новодворскис знает пятнадцать языков, и ему тоже не хватает.

— Главное — хотеть учиться,— говорил мне заместитель директора профессионально-технического училища № 32 Дняновскис.— Хотеть учиться и воспитать в себе дисциплину.

К нам, сами понимаете, приходят не отборные ребята. Многие рассуждают так: в школе меня восемь лет тянули и здесь еще два годика потянут. Мы сразу дали понять, что тянуть никого не будем. Училище рассчитано на триста человек, но мы набрали больше. И стали безжалостно отсеивать лодырей. Зачем выпускать брак? Ребята удивились, проваляли возмущались, но потом самим же помирившись, что спрос с них в полную меру. Сейчас училище конкурсное— двое на место. Ничье такое время: никто не имеет права «не уметь». Некоторые говорят: мол, профтехучилище — срунда. А я так скажу: у нас в Литве всегда уважали ремесло. Еще деды наши почитали мастеровитых. Каждый в своем деле может быть профессором. Ну, и невмодой, конечно, тоже. Я хочу познакомить вас с одним парнемком.— Он позвонил в мастерские. И вскоре пришел худощавый, длинный пареньк с чистым, запонанномся лицом и длиннополым, музыкальным инструментом.

— Юрчионис Альгимантас,— торжественно, будто представляя популярного тенора, сказал заместитель директора.

Пареньку улыбаясь, серьезно и спокойно поглядывая на меня. Это был вполне самостоятельный и уверенный в себе человек. Взгляд его не скользил, и руки попусту не сутелись. Он сидел прямо и уравновешенно. Мама его таяничка, отец умер. Дядя живет здесь поблизости и давно приглаждает это училище. «Альгимантас любит мастерить, мужчине нужно ре-

месло»,— сказал он матери. Мать согласилась; и верно, у сына умные руки, все к месту припадает, но, может, поучиться ему еще. Тут и сам Альгимантас подал голос: что он, маленький, захочет дальше учиться— ничего его не остановит. Выбрал он специальность— слесарь-ремонтника. При современных требованиях стенок должны быть отлажены, как хронометр, по которому дают сигналы точного времени. На республиканском конкурсе в Клайпеде Альгимантас опередил тридцать трех своих юных коллег и стал лучшим слесарь-ремонтником профтехучилища Литвы. Председатель жюри под громкий туш вручил ему золотые часы. Когда Альгимантас приехал домой на побывку, мать потрохончила от сына обоимала с этими часами всех соседей. «Мастер в семье растет»,— сказал по этому поводу дядя.

— В большом, светлом зале музея Чюрлениса плещущая, переливающаяся, аккорды. Мелодия ширится, вырывается в расплывчатую озян— и тополя, хрупким ветвам декоративных ив, украсившись голубоватую площадь. Ребята, презирая глаза, а кто просто удобно отпнувшись в кресле, слушают. Весенний экстаз прелюды, слышавшая с запахом цветущей улицы, вершит в их душах прекрасную и неугасившую работу. Сядя, коротко стриженная женщина с голубыми, тоже весенними глазами, неслышнотуляя в разноцветных туфлях-носках, подходить и радует и ставит следующую пластинку. «Эту сонату Чюрленис написал под впечатлением «Саяка»,— радостно, будто и для себя

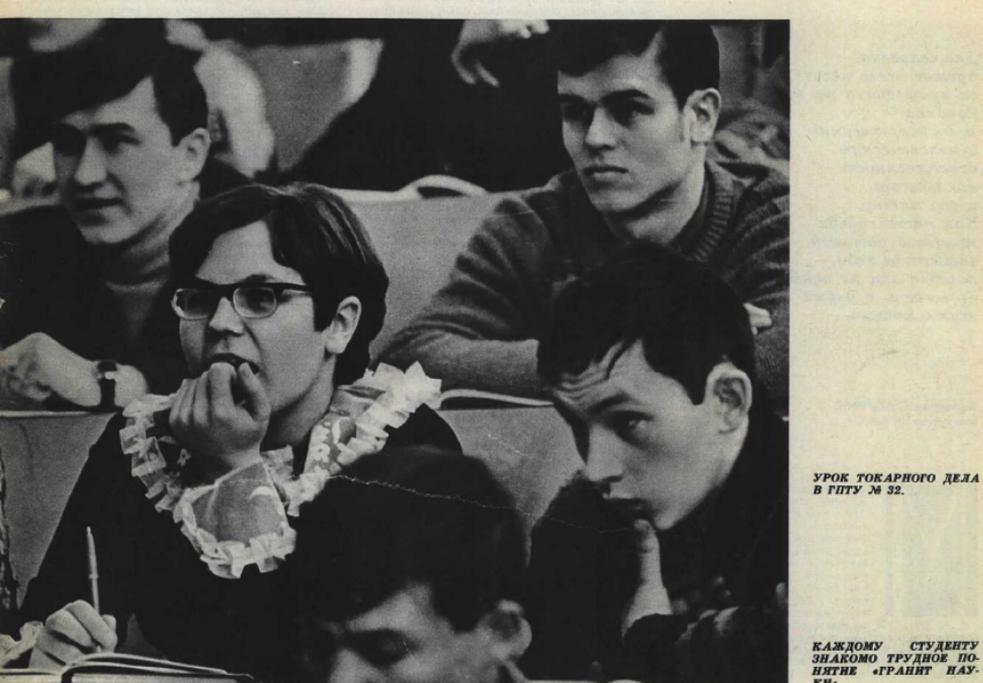
что-то открывая заново, сообщает она. И новый порыв музыки наполняет комнату солнечным дыханием заблудившихся ваврыши.

— Вот этот приходит каждому пятницу,— тихо говорит мне женщина.— Он из ремесленного. Сидит часами. Слушает Баха, Шопена. Иногда мы остаемся вдвоем, но я все равно ставлю пластинки. Он слушает и ногой отбивает такт.

Я тоже заметила русого парнишку, машинально приподнимающего ногой. Чем-то напоминал Юрчиониса. Такое же спокойное, хорошее лицо. Полчаса назад он потеряно, будто на ошупь, бродил у левых картин Чюрлениса, догадываясь, видно, о бесконечно прекрасном, что было в них заключено, и не уявляя этого постоичь. Стоя у картин, я чувствовала за спиной его сутулуюсь, молчаливую фигуру. И стелла отряхали наприжимание, широкие глаза. Он искал поводья в мятежном синеве пастели. А теперь, притопывая ногой, пристал музыку, рдовившую картину.

— Учится,— сказала сидя женщина. И глаза ее потемнели.— Я, знаете, тоже не сразу полюбила Баха...

В садике, похолом на дворец гномов, мальши хором повторяли за воспитательницей «га-ма, «ка-ша». В тихих залах библиотеки шелестят страницы драгоценных фолиантов. Студенты кормили перфораторами угрюмого электронного оркестра. Учителя спешили на семинары, чтобы научиться учить малышей. Все вокруг жадно, азалель выбирала свет знаний. И потому нет на свете задачи, которую нам не решить.

УРОК ТОКАРНОГО ДЕЛА
В ПТУ № 32.

КАЖДОМУ СТУДЕНТУ
ЗНАКОМО ТРУДНОЕ
ПОНЯТИЕ «ГРАНИТ НАУ-
КИ».

Маршал И. С. Конева и писатель В. И. Полковой. 1945 год.

Дерушвили из Праги уже на мыли, мы с Крушинским тотчас же ринулись на телефон. Были ли приняты наши корреспонденции, брошенные в эфир на прощание судьбы? Записали ли их на пленку? Регистраторы ли в Москву? Да, были приняты. Да, их записали. Да, передали в Москву.

Сегодня утром Москва читала из них отрывки в последних известиях, — сказал нам дежурный связи и, должно быть, увидев, как сразу от волнения раздупались свои ноздри, подтвердил: — Сам собственными ушами слышал. Дел у меня сегодня мало, но хотел бы послушать за Победу!

На стене висела на ремешке трофейная флага, и как мы догадывались по окурившему дежурного запаху аромату, флага с коньком. Но мы от этого доброго предложения отказались. В руках у нас были катушки телефонных лент с записями переданных по радио корреспонденций, и признаюсь, я разматывал свою не без волнения. Что у там: канарка в микрофон в этом пракском розгласе, возле дверей которого лежали еще тела убитых? Живут на свете журналисты, обладающие сыстемным умением диктовать свои сочинения стенографисткам или машинисткам. У меня такого дара нет. Всегда пишу от руки. А тут пришлось кричать в микрофон без текста, даже без плана, да еще после обычных утомлений. Но не мере того, как катушка разматывалась и катушки ленты опускались на пол, я с удивлением убеждался, что брошенная в эфир корреспонденция вовсе не плоха, даже точна и запятые оказались на месте, что, признаюсь, не всегда бывает и в моем рукописном тексте.

Мы наследились чтением своих последних восторженных корреспонденций и возмечтали добраться поскорее домой, до своих кроватей, и завалиться спать. Но... Сколько этих «он» бывает в жизни репортера! Впрочем, может быть, в этих «он» и превратилась и бесконечной работы истинного журналиста. На столе дежурного связи брызнула нетерпеливый телефонный звонок. Капитан поднял трубку.

— Да, они оба здесь, товарищ полковник. И Полковой и Крушинский... И пропущу трубку...
Я услышал голос адьютанта командующего, полковника Александра Соломахины, и в комнату, где журились и потрескивали телефонные аппараты «бод», воспелые Константином Сиμωνовым в корреспонденцной песенке, вошла еще одна новость, при которой забавные моменты отбывали отсыканные и гонимые старинная коллекция саксонских королей. Найдена в подвале старинного каменз, возвышающегося над Эльбой, причем найдена при самых романтических обстоятельствах.

Соломахины сообщил, что через полосу командующий выезжает в этот закат микротрассею Кенгштейна, что в переводе на русский означает королевский каменз, и, если мой «бюнк» в порядке, можно будет к нему присоединиться. В порядке ли «бюнк»? Это вопрос прозвучал просто кому-нибудь. Петрович, по выражению Шабанова, ухмыляется за своей новой машинкой, как старый дедов за молодой женой. Не преставая вздыхать о нашей погибшей впагаше, частенько вспоминая о ней в самых лучших выражениях, он охотн и беретех свою могучую машину, которая свалилась нам на голову, как подарок судьбы за все то, что пережили мы с ним на разбитых фронтовых дорогах за четыре года на пути из наших родных мест сюда, в сердце Саксонии.

С утра связи до нашего пристанища мы бежали рывок рысцой и в назначенное время уже топтались у штаб-квартиры командующего, на этот раз помещавшейся в доминке управляющего поместьем.

Должно быть, отдохнув и отдохнувшись после последних, невероятно напряженных дней и ночей, маршал выглядел будто бы только что вернувшимся с курорте. За год войны мне доводилось видеть его в разную пору: и в дни непрямых боев и в дни бурных наступлений. Он всегда удивлял офицеров штаба редким спокойствием, которое, вероятно, было лишь выражением сильной, целеустремленной воли. Чем острее была ситуация, как, например, в часы сражения на Корунте-Швенковской, тем он казался спокойнее, и это его, вероятно, лишь внешне спокойствие организующее действие на окружающих.

Теперь кончалась война, и с особым интересом смотрели мы на маршала Конева. Каким же он окажется сейчас, в дни мира.

Работы у него, конечно, не убавилось. Первый Украинский фронт в финале войны представляет собой гигантское военное объединение — больше миллиона солдат, дескать тысяч орудий, самолетов, все это надо было переводить на мирное положение. Тут можно и растеряться. Нет, и в дни мира он все тот же, суровый, уверенный в себе, только в голубых его глазах, всегда сосредоточенных, как бы заминутых, повисла задняя добродушная выморочка.

— Ну что же, Пругу освободили, а теперь вам чем занимаемся. Клады отсыкаем. Кладоскателем стал... Читал ваши отчеты... Действия ваши одобряю. А интересная была операция, правда? В некотором роде уникальная. Этот марш-маневр через чешские Гудьне горы, а? Словом, все это надо было переводить на мирное положение. Тут можно и растеряться. Нет, и в дни мира он все тот же, суровый, уверенный в себе, только в голубых его глазах, всегда сосредоточенных, как бы заминутых, повисла задняя добродушная выморочка.

Маршал предложил место в своей машине. И сразу, взяв огромную скорост, кавальда двинулась по направлению к Дрездену.

Всего в самом расцвете. Восточная часть города, где был когда-то штаб Родичева, район villae, богатых особняков, замков — он весь остался нетронутым. Зато когда машины, миновав уже наведенные и образцово действующие перегары, ворвались в южную часть города, мы как бы сразу оказались в местности, перемешанной жесточайшими эманациями. Бес центр разрушен и превращен в черные нурсы. Грудным камня, кирпич, бетонными, безобразными, желами, громадятся друг возле друга, замки, форсы, музеи, картинные галереи. Все, чем мы когда-то любовались, листая альбом с фотографиями в штабе корпуса, все, за что великодушный город этот вымокался славной Флоренцией, все это разрушено.

И сразу как бы померк великодушный весенний день, из царства буйной жизни мы попали в царство смерти. Проезды между зданиями еще не были расчищены. Машины вынуждены сбавить ход. Страшный смрад сразу окутал нас. Знакомый смрад гниения, смерти.

— Здесь под румянами в подвалах, говорят ребята, тысяч полтораста, а то и все двести тысяч неслых похоронено, — сказал шофер Губтенко, молчаливый донской казак, провинившийся маршалам всю войну.

— Это верно. Дрезден считается открытым городом, — подтверждает офицер из трофейного управления, человек, хорошо знающий Германию, немцев, человек, которому принадлежит честь находки ювелирных сокровищ Кенгштейна. — Именно открытый город, потому сюда со стороны Германии и стиглались, спасаясь от бомбежек, женщины, дети. Их разместили в общественных зданиях, подвалах, бомбоубежищах, и вот все это мусору людской созидания похоронили под развалинами за две ночи. Налетали тысячами бомбардировщиков. Что только тут творилось! По приключенному подсчетам бургомистра, под развалинами похоронено двести тысяч человек.

Ни одному, кто проносился мимо машины, действительно было страшно смотреть. А рядом местами стоял такой, кто мы старались задерживать дыхание.

— А я вот все думаю и никак не могу понять, — говорит командующий. — Засчет этого англо-американского бомбардировки? Для чего? С какой целью? Мы уже уезжали наступали. Разгромлены наступления были четко установлены в Ульте и Тегерне. И не мы, а нам предстояло штурмовать Дрезден. И вот эти чудовищные налеты. С военной точки зрения это непонятно. С общеполитической — дикое варварство. Да, тут, у этих нур, есть над чем задуматься... Какая война, однако. Сколько их похоронено!

Когда машины наконец проворвались через разбомбленный центр города, в сохранившийся район богатых особняков, а затем вышли на уже знакомую нам дорогу, лежащую вдоль реки, все владения свободно. После смирных нур неслыхного Дрездена легкое жидкое звалило окутало, наступили легкие весенней земли, свежий сырость эльбинский пойма, ароматами сада. Сяди эти белые цвели за рашетными заборчиками, и не было ни никакого дела до только что ошумевшей страшной войны, до кровавых налетов бомбардировщиков, до миллионов погибших и миллионов раненых, до страшной этой приречной край. Тут все было чисто, лишь белые простыни, наволочки, полотенца свисали из окон, напоминали и недавняя капитуляция. Местами цветущие сада прямо-таки напирала на шоссе, а Эльба на поворотах так ослепительно сверкала сквозь молодую листву, что невольно прикладываи голову плутистым ступням: «...и равнодушная природа краской вымочила смья!».

По пути наш ступник из трофейного управления познакомил нас с чудом Эльбы, которое представляло увлечение. Кенгштейн. Королевский каменз. Старинный каменз. Некогда самый могучий форпост саксонских королей, господствующий над этой пограничной рекой уже много столетий. Это действительно чудо природы. Не гора, не холм, а гигантский каменз, возвышающийся над водной гладью. У него совершенно отвесные стены высотой в двести метров. Чтобы построить на веру этого каменз большую замок, пришлось пробывать в граните терраса дорог. Теперь, по словам нашего ступника, эти могучие сооружения с зубчатыми стенами, с башнями, с дворами венчают этот каменз, будто завитки крема огромной торты.

Когда наш ступник привел этот образ, я невольно сплонул слюну. Ошеломление известием об освобожденном сокровище, мы позавидовали месту. Там, в «бюнк», у замкового Петровича нашлось бы что пожевать, но «бюнк» мертв где-то в хаосте колонии.

— Это замок, на стены которого за сотни лет его существования смог вскрываться всего один человек, — продолжает рассказ наш ступник. — Какое же может быть, остановившись посмотреть? — Там уже нечего смотреть, — усмехнулся командующий. — Все вывезено в летнюю королевскую резиденцию. Картины стоят на просушке, над ними колются лучшие реставраторы. Мы с Иваном Ефимовичем там уже побывали. Да, вот это трофей-то... Наверное, самый ценный за всю войну. Впрочем, сколько «ценный» тут ни к чему... Это бесценно.

Тут мне вспоминается смешная история, о которой говорили в штабе. Искусствовед Наталия Соколова докладывала командующему об найденных картинах и гравюрах, то как они повреждены и как нуждаются в срочном лечении.

1 Начальник штаба 1-го и 3-го Украинских фронтов генерал И. Е. Петров.

Рисунок: Вера ОКУНЕВА

чени. Сразу озаботившись, командующий ответил, что готов дать свой личный самолет, чтобы немедленно доставить «Синдикстскую мадонну» в Москву по наиболее ценным шедеврам в Москву для немедленной реставрации. При этом предложении собеседница будто бы побледила от страха.

— «Синдикстскую мадонну» не самолетом! Да бог с вами! Ответа можно ве на самолете! Человечество не простит, если вдруг!...

— Это отличный самолет, с опытным экипажем, — отвечал командующий, не понимая ве испуга. — Я сам на нем летаю.

— Но вы же маршал, а она мадонна! — воскликнула собеседница.

Конец засмеялся.

— Что верно, то верно, разница действительно есть.

Затем с самолетом была отменена, но каким-то образом разговор этот стал достоянием штаба. Теперь, когда речь заходила о каком-то невероятном предложении или предположении, стали заходить «Я же маршал, а не мадонна». Не знаю, была ли такая история, все как-то не решаюсь спросить у сурового нашего начальника, но, по-видимому, все-таки было, ибо все знали, какую заботу командующий проявляет о наиденных сокровищах. Вот и теперь, когда мелькнули и остались позади заброшенные каменные колы, служившие недавно убежищем для картин Дрезденской галереи, командующий сказал:

— А ведь что там ни говори, времена мы свободной мадонну из плена. Мне докладывают, что сырость и температурные перепады серьезно испортили почти все картины. Ну, теперь-то они в верных руках. Мы с Иваном Ефимовичем, когда выпадет свободный часок, иногда ездим поблуживать.

— Это точно. Такого трофея у союзников нет. Говорят, они захватили золотого Рейхсбанка, но ни за какое золото это не откупить, — отзывается наш ученый трофейщик и добавляет: — Это будет нам достойной компенсацией за музеи и картинные галереи, которые гитлеровцы разрушили, разграбили и сожгли.

Конец обращается на переднем сиденье и суровато смотрит на произнесенного эти слова.

— Вы так полагаете!.. А я вот думаю, вред ли правительство наше на это пойдет.

— Но ведь немцы, сколько они всего награбили!

— Мы не гитлеровцы.

— А Наполеон! Лувер просто-таки трещит от его трофеев. Он ведь тащил с собой, отступая, все сокровища Московского Кремля, а не говоря, утюпил в каком-то озере. А англичане! Сколько они награбили на святого Британского музея!

— Вот именно — награбили, награбили. Мы советские воины, а не Наполеон и не английские империалисты, — говорит командующий. — Понятно вам это, товарищ подполковник!

— Да, да, конечно, товарищ командующий, вы, безусловно, правы, — спешит ретироваться наш ученый спутник. Но отступал он без всякого энтузиазма. Мы-то знали, что, работая над реставрацией полотен и скульптур, поправляя поврежденные места, заклеивая на них пуляры особым пластиром, нежной рукой снимаю с них песни, наши искусствоведы мечтают о них и даже мысленно размещают их в музеях Москвы, Ленинграда, Киева. Обсуждают, потеснить ли для этого старые коллекции или построить специально здание.

Конечно, было бы справедливо все это забрать, — как бы думая вслух, промозглотил полковник. — Но ведь все это принадлежало не Гиттеру, а немецкому народу. А ведь еще в труднейший час войны товарищ Сталин сказал: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Немецкий народ вечен.»

Наш ученый спутник посетил переводчицу разговор на другую тему и с повышенным энтузиазмом продолжал рассказ о том, что нам предстояло увидеть. После объединения германских земель в середине прошлого века Кенигштейн — этот грозный форпост на Эльбе — потерял свое военное значение. Его превратили в политическую тюрьму. Туда сажали заключенных, казавшихся кайзеру особенно опасными. Между прочим, здесь некоторое время находился в заточении и русский анархист Михаил Бакунин... Ну, а в это время в Кенигштейне Гитлер держал пленных французских генералов.

Идеальная тюрьма. Практически из нее невозможно было бежать.

— Но ведь один из генералов все-таки бежал, — говорит командующий. Как всегда, он в курсе всех событий, происходящих на вверенном ему фронте. У него блестящая память. Он запоминает и большое и малое. В разрез грандиозных наступлений он не только ясно представляет себе, что происходит во всех деталях, а трижды фронт, действующий иногда в разных направлениях. Он может крепко помнить о каком-нибудь особо выдающемся подвиге солдата и рассказать о нем. Вот и здесь, повернувшись к нам, он дополняет рассказ искусствоведом.

Бежал известный французский генерал Анри Жаро. Маховый реакционер, друг и надежда французских когуларов. Впрочем, «бежал» в данном случае явно не то слово. Гитлеровцы, по-видимому, сами инценировали этот его побег, чтобы во Франции появилась фигура, которую они могли бы противопоставлять генералу де Голлю.

— Справедливые слова, — спешит соединиться наш ученый спутник. — Бежал из Кенигштейна, как я уже сказал, невозможно. Вы увидите, что это тактов. Недаром саксонские сокровища из так называемой коллекции «Зеленого свода» гитлеровцы хранили в казематах этой крепости. Истия, вон он и Кенигштейн уже подался.

И в самом деле ядьял над Эльбой свозь зыбкую, студенистую дымку, поднимающуюся с земли, стало видно это чудо природы. Ни, гор, ни скалы, ни холмы. Даже по-военному высотой не называешь. Это гигантский вытянутый прямоугольник камен, с северной стороны гранитный, который, как казалось, природа положила на зеленый ковер земли, и могучая река как бы почтительно обтекала его с севера.

— Ну, а сокровища, вы установили, что это такое?

— Конечно, это в основном известные коллекции драгоценных художественных предметов, собранных саксонскими королями. О ней есть во всех энциклопедиях. Ее так и называют — коллекция «Зеленого свода». Это не золото, не серебро, не драгоценные и редкие камни. Это предметы высочайшего искусства, вычуженные или сделанные из золота, серебра, драгоценных и редких камней. Увидеть их можно только в музее Грэнвилл-тротуэй, как есть всего мира. Такое можно видеть разве что в нашем Эрмитаже... Все это было спрятано глубоко в скале, куда вел замурованный впоследствии вход.

— А как ее отыскали?

² После войны, как известно, Советское правительство вернуло немецкому народу и Дрезденскую картинную галерею и сокровища из коллекции «Зеленого свода».

❁
Помню волосы в тонком ирее,
узкий след в голубом снегу.
Помню город я, а вот имени,
вспомнить имени не могу.

❁
Помню месяц, запыленный в синие
олауи нивозабоженных глаз.
Помню унцу, а вот имени
не могу припомнить сейчас.

❁
Помню рук загорелых линки,
помню губ обжигающий пилл.
Помню комзату, а вот имени...
а вот имя ее позабыл.

❁
Помню горо невинное мое
в нас разлуку на берегу.
Помню пристаив, а вот имя я,
вспомнить имя ее не могу.

❁
...Много женщин с глазами
синими,
только сердце мне ждать велит
ту, что звук забытого имени
в моей памяти воскресит.

❁
Мир полон радостного смысла,
живой гармонии такой,
что даже радуга зависла
над присмирешью рекой.

❁
Вобра в себя цветные раскоч,
литое золото плодов,
она явила буйство красок,
попыхачем полноточ.

❁
Их не свядешь с единой мерке,
но уберу полотно,
как сразу радуга померкнет,
как сразу выцветет она.

❁
Пусть нас при жизни не заметат,
но пусть — как бы после нас —
однажды с горечью отметят,
что тыща первый цвет погас...

❁
Олкинн историе века,
его изначального дни,
услышмися глас Человека,
его еле слышное «Я».

❁
Вглядись в недалекие дали,
и выступи четко из тьмы,
как «Я» ручейкам стекали
в великое множество «Мы».

❁
Ручьи превращались в реки,
а реки сливались в моря.
Мирало, росло в Человеке
его беспредельное «Я!»

❁
Сегодня несут его гордо
сими мой славной земли,
поднимаем первыми к звездам
носичские корабль!

❁
Пою не тцеславно славу,
а «Я», что поднялось из тьмы,
звучит получаемую прав
от грозного множества «Мы!»

❁
С той поры, как ты ушла однажды,
десять раз осыпался наш сд,
Мне сказали люди, что не каждый
к другу возвращается назад.
С той поры, как я в твоя простился,
с той твора топтался у ворот.
Мне сказали люди, что не каждый
сдбл самирлся, что не каждый
проводитши жет.

❁
В глаза — кориничские, как рожи —
блеск тайного огня.
Как этот юноша похож
на давнего мена!

❁
Он рубит ижизн, как топором,
с плеча — на «да» и «нет»,
в его движении любовь
предчувствие любви.

❁
Он знает: он, а не иной,
как некий высший свет,
в походном ранце за спиной,
заветный жезл несет.

❁
И потому уверен он,
что время — за него.
Как этот юноша смеешон,
но я люблю его.

❁
Говорил... Только я не верил,
что надежды твине пысты.
И однажды в другоние двери
робко-робко постучала ты.

❁
Я согрел дыханьем твои ноги,
я губами осушил глаза.
Я простил разлуку-дороге,
возвратившей мне тебя назад...

❁
Забьт скорее прошлое свое —
безоблачное, радостное слышном,
где, словно кенарь,
веселно поет,
плетяющийся туденый мальчишка!

❁
Не тосковать о радостях былых:
о алдре, что в околицу вемшался,
о даче, в веснушках золотых,
к которой пойдти я побоялся.

❁
Забьт о прошлом! На будущее жизнь свою настроил!
Но в сны мои все чаще ходит мать —
утешит, ободрит и успокоит...

❁
Вернитесь, отшумевшие метели,
принитесь вновь,
подоконно шурша,
чтоб провода тревожно загудели,
чтоб встрепенулся вся мой душ.

❁
Вернитесь, удивительные ночи,
рассеянные воспоминанья звезд,
и те часы, когда я, между прочим,
под окнами несласкового мери.

❁
Вернитесь, позабытые надежды!
Вернитесь, отмерщевшие сиега,
что бы на суробах
утихли, чтобы буквы юная руга.

❁
Четыре буквы. Радостно — знак вопроса,
священный символ, зыбкий, как вода,
ту девичью беселной и курносой,
что не вернется больше никогда.

Перевел с татарского
Вадим КУЗНЕЦОВ.

— О, целая романтическая история. Приключенческий фильм в духе графа Монте-Кристо... В последний день войны наша часть окружила замок. Командир этой части подполковник Штыков, кстати, умнейший офицер, сразу понял, что штурмовать замок бесполезно. З него можно было проникнуть только по одной выбитой в скале дороте, и дороте эту, заминированную, опутанную проволокой, один толковый пулеметчик мог бы оборотить от наступления целого полка. А из жителей подполковник знал, что в крепости около сотни солдат и офицеров под командованием полковника Хессельмана, офицера старой рейхсвербовой школы. Чтобы избежать кровопролития, Штыков привязал к скале буйвол носовой платок и сам пошел, как сказать, в пасть зверя, его пропустит. Он предвзял ультиматум о безоговорочной капитуляции. Пока Хессельман со своими офицерами обсуждал ультиматум, Штыков знакомился с крепостью. Из окоз одного из зданий до него донесился голос, приветствие крими, кто-то тем зветел «Марсельезе». Ну, мотив, конечно, знакомый. Штыков понял, там французки и добавил к ультиматуму еще один пункт: немедленно освободить французских военнопленных.

После короткого совещания офицеры гарнизона ультиматум бы принят. Гарнизон сложил оружие. Командант крепости по старинному обычаю торжественно вручил офицеру ключи. Французские военнопленные были освобождены. Отдавая оружие, полковник Хессельман даже заплакал. — Господя, я старый солдат. Я не боялся я и не боюсь смерти. Я много раз видел ее в глаза. Но это мой вторая проигранная война. Вторая и последняя. Вечером наши бойцы отпозорировали капитулировавший гарнизон визн, в городок, что лежит у подножия камня и тоже называется Кенгштейн.

— А сокровища? — Кто-то из французских генералов, спасенных нами от возможного расстрела тем как были неустойчивы в такие моменты уничтожения пленных, отблагодарил нас. У французоз была связь с окранными из старых слугачиц. От них они знали, что где-то в глубине скалы есть подземные казематы, куда по ночам привозили и прятали какие-то вещи. Все это делалось в атмосфере особой тайны. Французки и указали нашему команданту место, куда эти ящики были спрятаны. Так было найдена знаменитая коллекция «Зеленого свода».

Между тем машины уже подошли и подножью каменного прямоугольника, к тому месту, где начиналась вырубленная в скале дорота. Предупрежденный заранее командант, невысокий, коренный, крепкий, как гриб боровик, че-

ловек, встретил командующего у целного моста. Загорелый, крипологосый, с мохлятыми черными бровями, нависающими над глазами, широко расставленными глазами, он на первый взгляд, пожалуй, произвел впечатление грубоватого солдафона. И его так точно, товарищ командующий, «никан нет, товарищ командующий», сопровождающиеся присутствием кубюков, как бы утверждали это первое впечатление. Но оно оказалось обманчивым. Это был умный, тонкий человек, хорошо помнявший и особое положение подведомственной ему территории и всеские сложности, с которыми его, фронтовики, четыре года не вылезавшего из войны, я ве фанале столпнула сульба. По альбомам и туристским буклетам он успел хорошо изучить наденные им в казематах коллекции и знал эти произведения искусства даже до того, как их извлекли из ящиков.

Когда он вел нас к лестнице, ведущей в подземные казематы, где уже шла расборка и инвентаризация ценностей, он показал нам, с которых свисали обранные провода.

— Позвольте доложить, товарищ командующий. Вот тут у них была заложена взрычатка. Саперы говорят, взрычатка страшной силы. Гестаповский офицер при гарнизоне имел приказ все это в критический момент взорвать. Тогда бы все оказалось погребено под скалой. Но этот полковник Хессельман был честным солдатом: капитуляция была капитуляцией. Он не дал гестаповцу привезти взрыв. Тот с досады застрелился. А может, они сами пристрелили его... Труп его мы слыш.

Лифт бесшумно опускает нас в тьму и сыр подземелья. Когда он остановился, мерцающий свет карбидных ламп просто-таки выплывает в глаза, заставляя отворнуться и зажмуриться. Приглядываясь, различаем в полутьме просторную, вырубленную в скале пещеру и в глубине ее у раскрытых ящиков несколько фигур в военных мундирах, расставлены по полу кладан — изнеженные изделия, мерцающие старинным серебром, золотом, сверкающие драгоценными камнями: вазы, шандалы, затейливые подсвечники, вычеканенная из драгоценных металлов утварь. И приходят на память образы из каких-то древнеармянских легенд: сокровища, скрытые громадами от глаз людских. Солдаты осторожно кивают эти сокровища из ящиков, а опытные ювелиры определяют их ценность и инвентаризуют тщательным образом, описывая каждый кельеши.

Один из этих ктимонов с майорскими погонами как-то очень по-домашнему докладывает командующему:

Полночь жизни моей миновала,
Позади — самый трудный рубеж,
И не жалко ныть, как бывало,
Затаенных и дерзких надежд.

Как бы сердце хандрить ни старалось,
Ощущение такое в груди,
Что по молодости будто, а старость
Оставило сейчас позади.

Может, логичн в этом и нету,
Но сегодня —
— сужу по всему —
Дело близится, видно, к рассвету,
И — как сказано —
— быть по сему!

Леса оглашаются трелью,
И солнце в намеченный час
Восходит с единственной целью —
Над нами восходить для нас,
— с новой силой воскресень
Мы все на продорожной земле...

А если б мы с вами исчезли
Мир растворился во мгле,
То ждать было б солнца напрасно.
Механизм мертвой погоды,
Оно бы немедля погасло,
Оно б ни за что не взошло.

И долги-долгие годы
Лишь тыма бы царил кругом...
Коммуна, законы природы
Твердят о порядке другм.

Но верю я в смысл сокровенный,
Живущий в глубинах веков,
И есть кое-что во вселивной,
Что эти законы валяет,

Чужая скорбь священнее своей,
В твоей душе другой заботы нету.
Да не затаниса сутоюлкой дней,
Твоей души, прослушавша к свету.

Чужой тревогой и бедой томлеса,
Твоей дух слатанный различит еда ли,
Кую мы навидную связь
Со всем живущим на земле сотали.

Но с каждым днем чужая боль болей,
И сам себя я требую к ответу:
Я виноват все больше перед ней,
Хоть сам еще не ведаю об этом.

Не смерть страшна, страх перед смертью страшен,
Страшна ее невнятная тень.
Заранее умишком ораван
Еще не начинающийся день.

Туснеет все при появлении нашем —
Лесной листвы спасительная сеня;
Тернет завет праздничный сирень,
И везет тлоном от старинных бабан.

А из беззвучья мне звучат слова:
«В душе твоей одна лишь смерть жива,
А если так, чего ж ты сутешься!».

Ты только смерти ревностно служишь,
А потому ты воесе и не живи.
Так почему ж ты жизнь терять боишься?

Быть может, твой порыв бесстрашен,
Но разве ты хотел того,
Чтоб день и ночь стоять на страже
Ума и сердца своего.

Тут одного стремления мало.
Какой, скажите, в этом толк,
Коль в сердце радость не звучала,
А лишь обязанность и долг!

В твоём преизумотм движенье,
Как ни скрывай и ни там,
Тебя держали в напоре
Круги слатанные твои.

Ни в чем себе не уступаю,
Иную чувствую зарю,
Но так я все же поступаю,
Не те слова я говорю.

И мне твердят мон сомненья
О недоступной высоте,
И вновь и вновь мон мгновенья
Летят в бесплодную пустоте.

И не хватает сил и веры,
Чтоб действовать — не говорит!
Чтоб देने свой будничнй и сорны
В сильное небо растворить!

Далекий шеплет листопада
Возник волшебю в час ночной.
А мне одно лишь в жизни надо,
Чтоб ты всегда были со мной.

Хранит сказанные приметы
Для нас серебряная даль.
Есть петербургские рассветы,
Есть подмосковная нечаль.

И есть неизблемость союза
С землей, струющей светлым дым...
И слышна и, что мне нудно
Зовется именем твоим.

— Вот, товарищ Ковев, удивительнейшее дело, бесценнейшие вещи. Сведу по спискам и опишам и убеждаюсь, никто ничего не слер.

— Как идет работа?

— Да ничего идет. Только трудно тут дышать. Чувствуете, какая атмосфера? Вредное производство. Нам бы, как на химических предприятиях, надо в перерыве сливки давать, ей-богу.— Майор смеется своей шутке, и эхо мрачного подземелья отвечает на суховатый его смех.

— Здесь ее и не было. Видимо, подземелье вырублено в какие-то древние времена. Гитлеровцы только лифт приделали... В соседнем каземате у них старинное оружие и снаряжение. Все эти копыя, мечи, латы, шлемы. Не хотице ли посмотреть?

Майор зажигает электрический фонарик, и тут выхватывает из тьмы стоящих вдоль стен пехотинцев и всадников, действительно рыжих от ржавчины, которых в свете фонарика кажется даяя крова.

— А какой малый народ в то время был! — шепчет мне на ухо адъютант маршала полковник Соломанн.— На меня и то тут ничего не подбереш.— Полковник маленького роста и довольно шуплого сложения. Мы в Кравко уже удивлялись в замке Вавель, что средневековые воины, которых мы приписали предкам себе гигантами, были совсем небольшого о роста. Железные воинство Кингштейна как бы подтверждает эту истину.

Уточнив вопрос охраны и эвакуации ценностей, командующий поднимается наверх. Командант, оказавшись, как я уже говорил, вопреки своей грубоватой внешности, не только культурным, но и любознательным человеком, интересно рассказывает нам о крепости, которую он досконально изучил, показывая корпус, где сидели французские генералы, кричавшие в окошко «Вась Красная Армия!» и певшие на радостях «Марсельезу», показывает уникальный широкий колодезь, выдолбленный в скале средневековыми шахтерами, колодезь глубиной более двухсот метров...

Чтобы мы оценили эту глубину и величие работ средневековых шахтеров, он просят нас засечь по часам время и плескать в колодезь из кувшина воду. Пока вода эта долетает до дна и пока шум всплеска доходит до наших ушей, проходит шестьдесят секунд.

— Здесь вода это долетает до дна и пока шум всплеска доходит до наших ушей, проходит шестьдесят секунд.
— Здесь вода шут Петр Алексеевич побижал. Он не поверил, что колодезь так глубок. Достал моток ниток и опустил туда камень. Все вышло правильно. Двести метров.

— Простите, какой это Петр Алексеевич? Кто он!

— Да наш Петр I, его еще Великим величали.

Смотрю все эти рисунки, и фраза, сказанная майором в подземелье каземате, не выходит из ума: удивительное дело, никто ничего не слер. Эта фраза как бы перенесла меня обратно через четыре года войны из этого туннеля хранилища сорванных сосисок королей, из Буинной и врой эльбиинской вавсы в наши Березоволекские леса, в лютоую зиму сорок первого гоая, в отбитый у противника Близидж, где так же вот специально на то исполномоченные тогда еще генералом Ковевым наши офицеры инвентаризовали мешок с драгоценностями, появивший к нам тоже самым романтичным путем. Это были ценности, эвакуированные из рижского Бениа, которые не удалось довести до Москвы. Поезд разбилось. И вот восемнадцатилетняя девушка, банковская машинистка, и старик кассир, первоначально не помелавший эвакуироваться, понесли эти ценности по немецким тылам вслед за отступающими частями Красной Армии.

Прошли пешками более пятисот километров. По дороге раненые люди принимали участие в спасении. Мешок не раз переходил из руки в руку и наконец в ценности и сохранности бы перенесен через фронт. Пораженные этим случаем, мы с корреспондентом Союзформбюро Александром Евновичем стояли перед столом, на котором горкой лежали драгоценности, и слушали, как скучным голосом бездурный банковский служащий диктовал опис:

— Колье белого металла с 35 бриллиантами...

А не двухэтажннх нарах лаваны трое партизан, приписки эти ценности девушка с избороженным лицом и огромным голубыми глазами — на верхней и два парня — на нижней яре. И вот тогда-то и услышал я от офицера-чекиста, принимавшего участие в инвентаризации, почти такую же фразу, а ведь самое удивительное: ничего к рукам по дороге не прилипло, все цело, ничто ничего не слер. Теперь все повторилось в иных условиях и в ином, конечно, масштабе.

Я напомнил командующему давний эпизод, происшедший когда-то на Калининском фронте.

— Что-то я это запалатовал! — ответил он.— Ну, мало ли такого было в войну! Золото. Что оно, золото? Красный металл. Гогорил же Ленин, что когда-нибудь им нужники будут покрывать. А вот душа человеческая — это ценность, настоящая ценность.

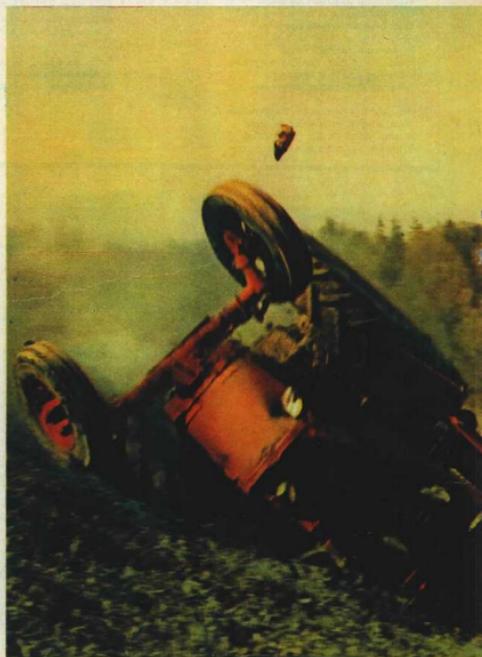

СТАРТ НА ТР

Анатолий БАРАНОВ, Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото)

вария должна была произойти ровно в полдень. Так по крайней мере значилось в плане работ Подмосквой испытательной станции Государственного научно-исследовательского тракторного института. Заведующий лабораторией шасси кандидат технических наук Владимир Шахназаров выехал на поиски подходящего места. Старший научный сотрудник Нусрат Османов готовил к эксперименту измерительную

«Ускорить разработку и выпуск сельскохозяйственных машин и оборудования, необходимых для комплексной механизации производственных процессов в сельском хозяйстве».

Из Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

АВТОПРОДРОМ

Иллюстрация по заказу

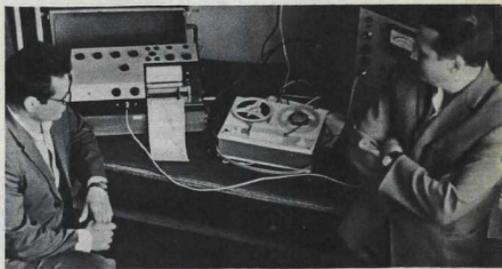

аппаратуру, датчики и пассажира. А этому пассажиру вообще было все безразлично. Склеенный из кожи и пластмасс, с металлическими суставами и скелетом, он только ухмылялся нарисованной улыбкой.

Современные колесные тракторы часто используются при перевозке грузов. Скорости их значительно возросли. И аварии на дорогах беспокоят сейчас трактористов не меньше, чем автомобилистов. Османов усовершенствовал серийную кабину колесного трактора, сделал ее более прочной и надежной. По его мнению, новая кабина сможет гарантировать безопасность тракториста при любых неожиданностях. Работу молодого ученого и нужно было подтвердить в предстоящих испытаниях.

Механик-испытатель Николай Котов хотел сесть в кабину трактора во время эксперимента. — И я сам сяду, если возникнет необходимость, — обиделся Османов и неожиданно засмеялся. — Маленек упадет не хуже любого из нас.

ИНЖЕНЕРЫ И ВРАЧИ ЗДЕСЬ РАБОТАЮТ ВМЕСТЕ. ИМ ПОМОГАЮТ МНОГОУМНЫЕ ПРИБОРЫ.

А вот данные соберет точнее: ему не придется следить за своим состоянием.

О новой кабине пишут в лабораториях условий труда и влажности хода. И если Османов стремится обесопасить тракториста на случай аварии, то здесь заботится об улучшении условий поведенного труда механизатора, об уменьшении загазованности, запыленности, шума, вибрации, шума и герметичности кабины, их отоплении и охлаждении. Над решением этих проблем вместе работают ученые, инженеры, физикохимики.

На специальном вибростенде установлено сиденье нового трактора Т-150. Сиденье сейчас считается лучшим, оно легко регулируется по росту и весу водителя. Испытатель Николай Статенков, с ног до головы охваченный датчиками, осторожно, чтобы не сорвать какой-либо провод, присаживается в кресло, пристегивается ремнем.

— Тотот? — спрашивает замодульщик лабораторной Василий Иванович Субботин.

Статенков только кивком кивает: нос его затят специальными зажимами, во рту грубо спидрометра.

Субботин включает вибростенд, медленно поворачивает рукоятку, регулируя число частоты. Стрелка останавливается у цифры «2». Частота — два герца. Испытатель поднимает в своем кресле, стрелки самописца высвечивают приглушенные кривые на бумажных лентах, на зеленом экране осциллографа пляшет светлая змейка. Частоту увеличивают в полтора раза, имитируется движение трактора по асфальтовой полосе поперек борозд. Увидеть на месте уже не просто. Статенков жался в сиденье, ухватился за ручки кресла. По его напряжению лица можно чувствовать, что он едва сдерживает желание остановить эксперимент.

Физиолог, не отрываясь от своих приборов, машет рукой: достаточно. Субботин выключает установку, и на неоциндане наступившей тишины слышен лишь порох или за стеной. Днем и ночью, но останавливаясь, бегут два передних колеса по асфальту и булыжникам, подпрыгивают на кочках и рытвинах. Они то влекутся со скоростью один километр в час, как будто расяду рядом, то стрелка спидометра, укрепленного рядом с экзаменуемым передним колесом, подтагивается к отметке пятьдесят. И за все это время ни на метр вперед. Крутятся ко-

«А КАК СЕБЯ ЧУВСТВУЕТ КОЛЕСО?»

леса, вращается под ими барабан с различными неровностями, раскачиваются подвески. Такие же эксперименты пробегали колеса, но сдвинувшись с места.

Через каждые тридцать часов работы стэнд останавливают, мост разбирают, делают микрофотографии разбитых частей. Таких циклов шесть. Значит, для того, чтобы полностью испытать передний мост трактора на этом стенде, нужно всего 180 часов. «На природе» для этой цели понадобилось бы времени в десять раз больше.

При опытных инженер-испытатель Виктор Матвеевич Самарцев проводил окончательные измерения переднего моста трактора МТЗ-50. Вспомнил же результаты.

— Мост хороший. Но наши данные показывают, что его можно сделать более надежным. Только улучшение термической обработки основных деталей — это не главное. Надо еще допустить увеличить долговечность переднего моста в два раза. Видите, какие резервы!

Результаты испытаний немедленно сообщают трактористам, и те в своей работе стремятся учитывать замечания испытателей.

Испытатели — это исследователи, а совершенные знающие техники. У них, правда, нет права «вето», они не могут заставить трактористов отказаться от использования машины, но судьба этой машины зависит все-таки и от них, зависит от того, как проанализируют они каждую деталь, каждую деталь, каждую деталь. Испытатели — это люди, а экзамен они устраивают строгий. При же один из испытателей смазывал трущиеся детали муфты сцепления смесью из масла и... пыли. Пыль эта особая, «островная», получают ее из кварцевого песка. Пыль «помогает» детали быстрее изнашиваться, раз в 10—15 ускоряет испытание трущихся частей трактора.

Трактор на стенде или на полигоне и специально ставленная вагонетка, в которой «приван» стоит гусеничный трактор. Толстые стальные и стальные балки удерживают его на месте, и он беспомощно скребет своими гусеницами металл и бетонные ограждения. Да еще к их гусеникам прикрепляют стальные «бабки», отчего тракторы издали похожи на переувлажнившуюся с боку на боку уток. Увидеть, как движется трактора невозможно, потому удерживают они по радио.

Незаметно хлеб у испытателей. Им приходится выдерживать тактику, переступать работать при таких шумах и вибрациях, которые не встречаются в обычной работе механизатора. Поэтому всю самую тяжелую работу здесь стремятся пережить на плечи машин, автоматизировать самые трудные процессы испытаний. Уже решено приобрести электронно-вычислительную машину и с ее помощью управлять с единого пульта всеми стендовыми испытаниями.

У меня сложилось впечатление, что главная задача испытателей — как можно быстрее разбить трактор, привести его в негодность.

— Так оно и есть, — подтвердила директор станционной лаборатории на Севере Сергей Петрович Ковалева. — Но мы должны не просто быстрее вывести из строя машину или какой-то узел ее, а получить при этом данные, соответствующие постепенному износу трактора в реальных условиях. Данные эти позволяют повысить надежность и долговечность машин, улучшить их технико-экономические показатели, облегчить труд механизаторов.

Масштаб работ, проводимых на стендах, значительно увеличивается, когда здесь вырастет новый полигон. Сергей Петрович показывал мне проект этого полигона, настоящего испытательного центра, оборудованного по последнему слову науки и техники. Уже сейчас строятся асфальтированные и грунтовые трассы, дороги с булыжным покрытием и песком, надобами, кюветами, стремительными подъемами и завальскими «серпантинными» обрывами, болотами, траншеями каналами и водными преградами — со всем, что может встретить трактор на своем «жизненном» пути. Большинство этих дорог автоматизировано. Под трассами закапываются электропроводы, по которому потечет ток высокой частоты, и тракторы послушно последуют из-за бампера. В специальных камерах на тракторе образуются лавины и пыльные бури, в климатическом корпусе тракторы попадают в тропику или районы Крайнего Севера. И здесь роль испытателей возмает на себя автоматика, а управление всеми испытаниями будет осущест-

вляться с пульта центральной диспетчерской.

Строится и специальная испытательная горка для изучения устойчивости трактора при боковом опрокидывании. А пока стальной трактор под обрыв — и все.

Шкафизаторы разсыпая удобный силой. Трактор стоял рядом, пофарширован мотором. Османов усматривал в кабину механизера, приставлял его ремнями к сиденью. Все молчали. Только сейчас я заметил, что испытатели выжуются.

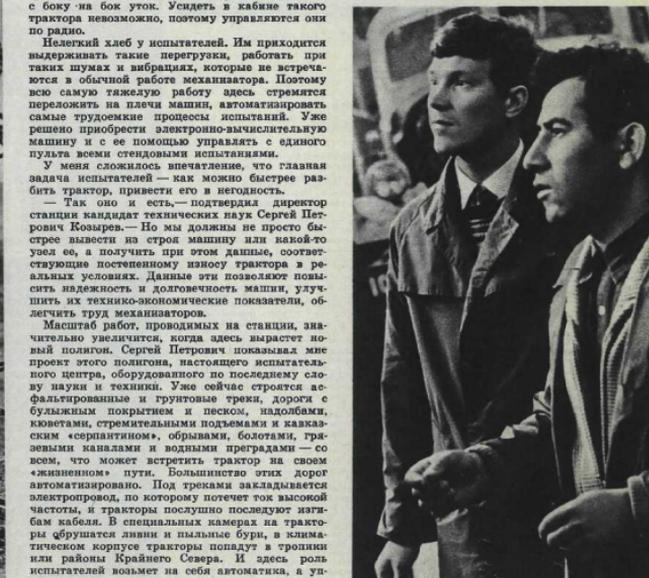
Османов включил скорость, вымрущил из кабины, а трактор рванулся к обрыву. Каждую секунду увеличивалась скорость, вырастал угол наклона. Впереди выступил, напоминающий трамплин. Трактор как будто споткнулся о него, подпрыгнул — и вот уже летит вверх колесами. Османов выскочил из кабины, покатился по склону. Отгоралась одна из фар, покатился по склону. А трактор, сделав двойное сальто, встал на «ноги» и пошел дальше своим ходом, как ни в чем не бывало. Должны мы его вынуть, выключили мотор, внимательно осмотрели. Сабина улежала, каркас ее лишь слегка сохнул, выдержал эту страшную нагрузку. Маленек сидел на месте тракториста и улыбался.

— Говорил же я, что можно спокойно сесть сюда и человеку, — пробормотал Котов.

— И я был уверен, что cabina выдержит, — Османов радостно ощущал стойки кабины, только что выдержавшей трудный экзамен.

Ежедневно с конвейеров тракторных заводов страны сходит свыше тысячи новых машин. Но потребности нашего хозяйства в новой технике все возрастают. Только в прошлой пятилетке было освоено и запущено в производство около 350 новых и модернизированных тракторов, сельскохозяйственных машин и приспособлений. В этом пятилетии предусматривается выпустить свыше 2 миллиона тракторов. Созданные новые машины похожи на уравнение со многими неизвестными. И решают его общими усилиями рабочие, ученые, конструкторы, испытатели. Ученые на стендах, поднимая не бетонные pedestal, стоят два стареньких трактора, перенцы отечественного тракторостроения, — «СХТЗ» и «Универсал». И ежедневно мимо них ходит на дорогах полевых машины внутреннего дна. Здесь, на подмосковном тракторном, они прокладывают свою первую борозду, откуда стартуют на поля страны.

ИНЖЕНЕРЫ-ИСПЫТАТЕЛЬ АНАТОЛИЙ ТРАПНИЦЫ И ПУСГАТ ОСМАНОВ.

ПРЕДЛАГАЕТ ТАЛЛИН

ЗАДАЧА ХУДОЖНИКА — ЭЛЕГАНТНОСТЬ «ВСЕГДА, ВЕЗДЕ»

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА,
Сергей МИХАЙЛОВ (фото)

За окнами Таллинского Дома моды — сентябрьский город. Сегодня, в первые дни осени, он синевато-перламутровый, паутина солнечных лучей висит на толще черной тучи. И под набегавшим ветром с Балтики все поворачивается без устали на Флюгере Ратуши Старый Таллин, словно не желая уступить ни одной подробности жизни своего города, по узким улочкам и широким площадям которого льется и льется людской потоки...

— Хотите знать, что модно этой осенью в Таллине? — переспрашивает меня Эль-Мая Ранднола, одна из пятнадцати художниц Дома моды. — Тогда предне всего в город, а не на просмотр новинки сезона. Только на городской улице можно увидеть моду, признанную высшими, признанную модными. Художники справедливо считают улицы города лучшими «испытательными полигонами» идей: ведь мода не монолора о красоте, а постоянный диалог с будущими потребителями.

— О чем же рассказывают улицы Таллина? Они разноцветные, элегантно, многоцветные даже в пасмурный день. Не посчитайте легковесным эти слова: «элегантная улица» по сути своей отражает стиль нашей жизни, темп времени. Справедливо назвал Карел Чапек моду «фрагментом действительности, лежащая на пересечении многих дорог».

Помню, первое, что схватывает глаз в Таллине, — это разнообразие костюмов его жителей. Мелькают десятки фасонов спортивных плащей, расцветочных узкую в непо-

году: спортивность стиля, характерная для одежды наших дней, подчеркивается декоративной строчкой, отгнутыми манжетами, широкими поясами, разнообразием отделки трикотажных и юнковых воротничков.

Чувствуется, что брючный ансамбль, который вот уже несколько сезонов пропагандируют художники, прочно «прописан» в гардеробе женщины всех возрастов. Да и выглядит эти костюмы по-разному — в сочетании с длинными, до колен аязаными жилетами и юрками, блузками, или с туникой из мягкой набивной шерсти, или с пиджаком, популярно (это обрело новую жизнь вчерашнее мини-пальто, все швы которого подчеркнуты контрастной строчкой). И осеннему сезону этого года художники Эстонии предложили три модных силуэта. Они не вступают в спор с единым направленным моды-71: все тот же прямой силуэт, слегка намекающий линии фигуры: приталенный и расширенный внизу силуэт, рекомендованный художниками молодежи, талия подчеркивается широким поясом, некоторые в Эстонии часто интригуются юнкой и металлом в традициях готарства народных мастеров с островов Саарема и Хюума. Ну, а третий силуэт — это совсем новое предложение: приталенный, с широкой расклешенной юбкой, в новой модной длине (пятнадцать сантиметров за колено), он напоминает о величии моды тридцатых годов и в то же время о «существовании» в наших костюмах стилей спортивности и романтизма. Эта новинка тоже адресована молодежи, спортивным. Принадлежит ли она в моде? Не найдю нововведение встречаю в Таллине аплодисментами лишь за

«СТИЛЬ-71» ЧЕТКО ПРояВИЛСЯ В ЭТОМ НАРЯДНОМ КОМПЛЕКТЕ С ПЕВЕРНОЙ И ПО-ПРЕЖНЕМУ МОДНЫМИ ВЫСОКИМИ САПОЖКАМИ.

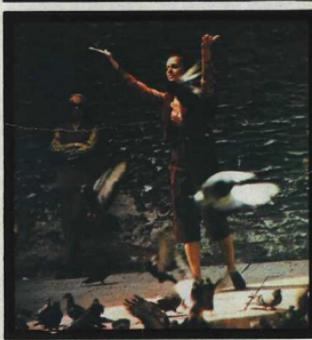
НОСИТЕ ЖИЛЕТЫ С БРЮКАМИ И ВЗЯТЫМ ПЛАТЬЕМ, С ЮБКОЙ, КТОРАЯ МОЖЕТ БЫТЬ КОРОЧЕ ЭТОГО ОРИГИНАЛЬНОГО ДОПОЛНЕНИЯ АНСАМБЛЯ.

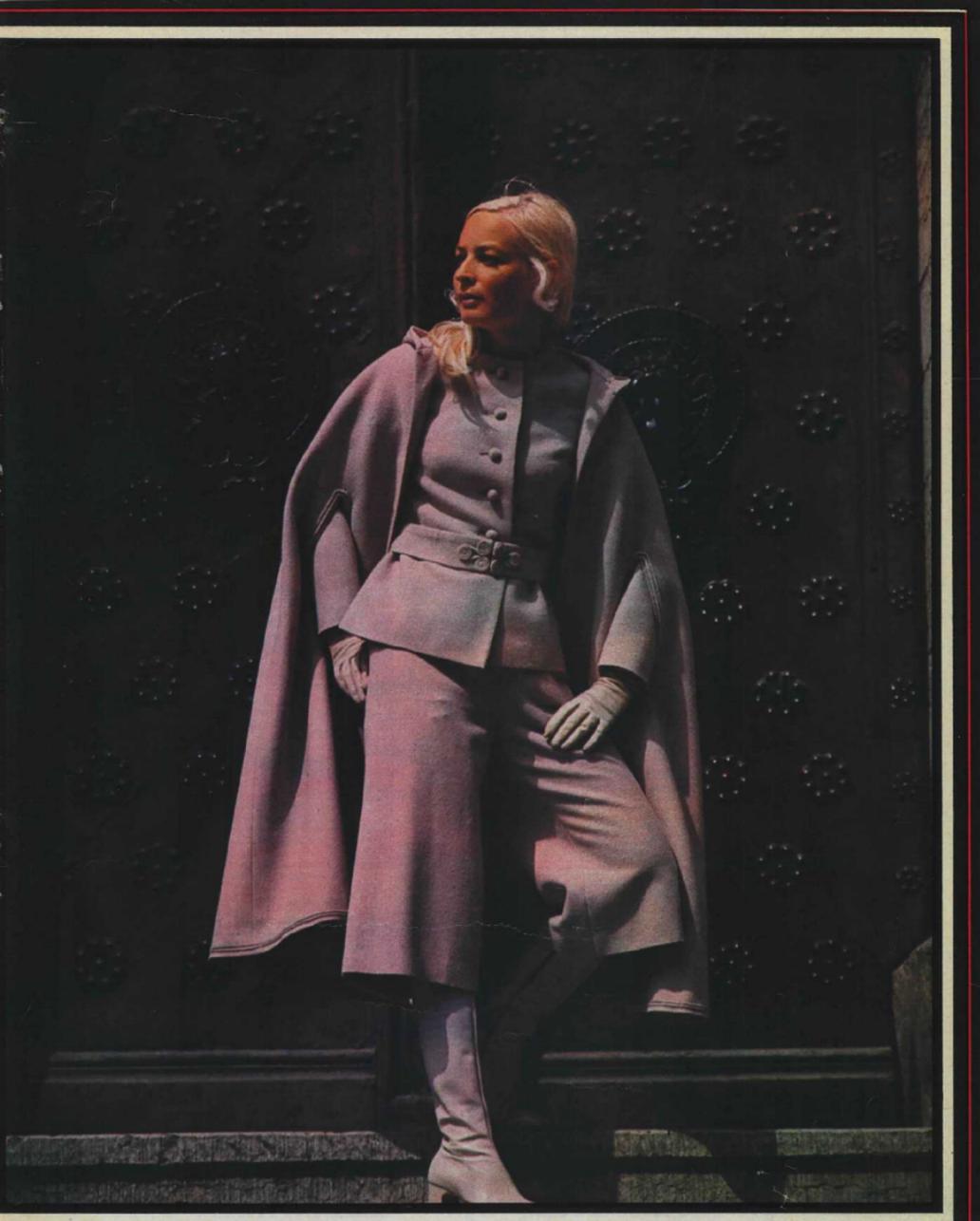
КУРС МОДЫ НА РАЗНОБОРАЗИЕ ОМУТИ И В ДЕТАЛЯХ.

ВЯЗАНЫЕ ВЕЩИ — ВЕСНОЙ, ЛЕТОМ, ОСЕНЬЮ, ЭТО УДОБНО, КРАСИВО, РАДИОНАЛЬНО!

В ЭТОМ БРЮЧНО-АНСАМБЛЕ ХУДОЖНИКИ ИСПОЛЗУЮТ МОТИВЫ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ МЕКСИКИ.

то, что это — новое. Например, махи-юбки. По остроумному выражению одной из таллинских журналисток, они «много помогают дворничкам поддерживать чистоту на улицах».

Однако новые силуэты осенних пальто, костюмов, ансамблей не только предопределяют модными тенденциями, но и обусловлены весте иными факторами. Такую Кофта-Яву и других городов республике: прокладка новой моды поставлена в Эстонии с завидным мастерством и любовью к делу.

Показы предложений начинаются за полгода до наступления сезона, к которому их готовят продавцы-консультанты. Начинать это и перепланировку как правило, спортивного зала.

«Калева», где на протяжении — более 2 тысяч зрителей, а продолжается в рабочих посёлках. В селах и небольших республике почти каждую неделю здесь проводятся ярмарки-продажи новинок сезона и последние модные идеи мастеров моды на будущее.

В Таллине говорят: моды то, что за последние годы для себя наиболее удобными. Главная задача осени — это «притянуть» к ней пальто — пять или пятнадцать сантиметров за плечо — но вешему устроены. Другими словами, главная пропаганда нового веники возлагается на создателей модного гардероба: ушли в прошлое споры о длине юбки — «миди» соответствует модо утонченности.

Очень толково работает в свои пальто, в минимуме деталей, стильности Эстонии, где, по данным статистического управления республики, является больше головными жителей Таллина, на десяти знаков — восемь пальто в гардеробе новых линий и новых пропорций.

Новые линии — это та мягкая женственности ансамбля, в которой загорелые еще год назад. У моды — свободной простоты, подчеркивающей талию. Именитаям мастерам художники рекомендуют сохранять верность универсальному правилу и трансцендентному силуэту.

Все больше становится популярными пальто с нарядными и легкими линиями — шьют из клетчатых тканей, с маленькими воротничками-стойками и узкими лацканами. Пальто — это и красиво и удобно в условиях прибалтийской осени. Но, кроме насущных перемены, художники предлагают и ее инвентаризацию — давайте лиф слово бы расценивать закрученными линиями швы, и как «зеркальные отзеркалить», эти линии повторяются на бедрах и на талии.

По мысли художников, переплетается это возрождение романтической мелодии в нашу предельно упрощенную и лаконичную костюм. Осеннее пальто украшается длинными рукавами, свободной или даубриной застежкой. Впрочем, у молодежи пользуются признанием и мягко запыленное пальто из однотонной шерстяной ткани, без пуговиц, стального димонда и вышитого кушаком, украшенное большими уютными воротничками, который носят Пригодным.

Самая мода стремится сделать женщину стройнее, зрительно выше. На это «работают» все детали ансамбля, что отдалось от консерватизма. В Эстонии, где очень распространена ручная вышивка (Юрвал Таллинского музея моды) — это высшая почва — каждая страничка «валяльной теме», отпущенные по мере малых вышивальных шапочек, плотно облегающие пальто — придают ему «души» — удачные притягательности — носят на длинном рукаве, через плечо. Даже чулки — плотные, прилегающие к телу тонкими, подчеркивают курс моды на зрительное удлинение силуэта. Развивая ту же мысль, на осень рекомендуются прижимные саляги, модные уже несколько сезонов.

Кстати, высший салончик — не только в частном ансамбле, который предлагают на эту осень художники Эстонии: речь идет о броне, под названием «гаучи» они созданы по мотивам максималистского народного костюма. В длину — фасоны эти броне соответствуют длине и силуэту.

Представление художника о красоте и эстетике костюма всегда строится на взаимосвязи чужих фантазии, а на совершенно «земных» факторах: износостойкость, красота, где он живет и творит, культура, мастерство народных промыслов. Поэтому, предлагая как эксперимент, без которого невозможно труд художника — «сшить с броне «гаучи», мастера эстонской моды разрабатывают еще и популярную в республике клетчатую ткань. На наших глазах здесь встречаются многочисленные варианты «класси-

ческого» спортивного костюма — с короткими жакетом и прилегающей юбкой, раскошенной юбкой. Также часто упрощают короткую-платьею с длинным рукавом. Юбка — элемент, который шириню носом, нарядными карманами, декоративной строчкой. Однако это костюм, который один из старейших художников Таллинны — Гейнрих Фридрих Дагмар. А на основе этой идеи вошли в жизнь разоборачиваемые варианты: поименно рекомендуются длинный жакет, его длина составляет семь восьмых роста; пальто, юбка второй студентки украшается вертикальной декоративной линией с разрывом.

И все же, пожалуй, основная черта таллинского мастерства — это умение «сшить» модного покла. Дух творчества и непрерывающийся поиск новых форм и конструкций ощущен еще в одной очень важной теме таллинских — десяткой профессий работает здесь художники, создавая для них удобные моделисты рабочей одежды.

Разнообразие рабочей одежды сегодня все легче найти в любом магазине появляется больше кардиганы и прорезные, переплетенные и прорезные ткани, защищающие от ветра и дождя рыбаков, гладкие искусственные мех, удивительные материалы, которые труднее найти в магазине, что трудится на холоде, прочный пластик — для садоводов, и т.д. и т.д. легкой промышленности. В таллинском Доме моды и эстетике костюма электрика, шифера, офицантин, продающих всевозможного и всевозможного костюма, стараются внести разнообразие в местные системы и сотрудничая научной лабораторией. В это трудящиеся заведующий отделом, созданием приятной атмосферы и хорошего настроения на работе. Мы удалили из внимания одежду для театра и для моды. Почему же так исключение для рабочей одежды?

Мысль художника преобразовывает прямые линии, жесткие линии гардероба, позволяя создавать его красивыми, рациональными, недорогими.

В этом творческом поиске художники предлагают моделисты моды и текстильщикам. На прилавках магазинов Таллина — Дома моды — шерстяные ткани Ленинград и Латвии. Мы предлагаем вам увидеть «мануфактуру», крупнейшего производителя республике — искусственные велвет и литовский шелк в «прибалтийской» гамме.

Создаются ли модные вещи создатели моды в Эстонии — ироничный, добротный костюм из сетчатых «мелочев» до сероватых, серых или розовых коричневых форм. Молодые рекомендуются и более яркая гамма; интенсивные тона красного, зеленого, синего. Однако, не ограничивая шириню выбором материалов, который предлагает модистка, художники ищут все новые и новые формы — новые цвета, чтобы тонче, образнее выразить свое понимание направления моды. Вот на фото — удачные примеры из клетчатой шерсти розовато-серых оттенков. В работе мастера таллинского дела Эстонии сплелись для ансамбля моды, которые предлагают новинку для введения в промышленность. Сосредоточив внимание на перспективе молодых новинок таллинских специалистов, художники и мастера первую работу молодых художников Лекти Кеагост: разрабатывая ансамбль из шерстяной и шелковой лодки, она создала и новую ткань, которая по своим свойствам и в традициях руководства из родного острова Муху. Уникальный образец берет жизнь в модном и стильном производстве.

Тема народного искусства не отделила от новых работ художников Эстонии, но в последние времена год упирается металллические образцы для прищипки, чем-то похожие на бронзу, из металла.

Прекрасные ювелирные украшения не выглядят вынутыми из «бабушкиного сундука». Большое количество мастеров «искусства творчества «Агу» выплывают из восточной культуры, которая эти совсем недавно вещи можно в десятках магазинов города.

Мода наших дней стремится к разнообразию, предлагая каждому свое сочетание форм и материалов. Пример работы таллинских художников — это еще один шаг к постоянному диалогу художника — покупателя и рождается истинная «чистота» рациональности костюма.

В дни работы международного Ленинского симпозиума в Алаа-Ете я познакомился в зале заседания с молодыми артистами — одним из участников этого вечера.

В основе моего расказа легла подлинная история этого человека. По его просьбе я лишь изменил имена действующих лиц и несколько сместил события во времени.

Автор

Амолет сделал черн влевю, и лейтенант Родато увидел молочную полосу реки Сантаис. С высоты двух тысяч метров он разглядел живущих небольшой деревушкой, убрывов на лугу. На берегу реки пылули белым дыном костер; видно, бросили в него сырые ветки.

Родато взглянул на компас, подумав штурманскую линейку по карте и быстро сделал расчет. От границы Мозамбика было пятисот миль. Поворот к югу на двадцать градусов — и до Дата менее двухсот миль. Если же сейчас сделать поворот к северу на сорок пять градусов, то минут через пятьдесят Родато останется позади.

«Замбия тебе встретит товарищ Нуале», — вспоминал Родато наставления Жуана. «Но Замбия еще надо добираться» — Лейтенант с тревогой полагал тогда о стартере, толпе пассажиров, который сейчас сидел за штурвалом. — Вдур он упрется! Что тогда, товарищ Жуан! — мысленно продолжал Родато свой разговор с членом ЦК партии. — Капитан Сарфи может и не подчиниться.

Родато механически взглянул на часы и визн, на выключую полосу реки. Справа, у горизонта, густые тропические леса переходили в саванну. «Боже мой, полет — посылать полетник! Ты взглянул на капитана и прижал рычаги к горлу.

— Сарфи, что ты думаешь об этих трех в грузовом отсеке!

— Политические персона, иначе не звали бы их в кандалы. И потом я не слышал, чтобы на военном самолете возили обыкновенных уголовников. Ты обрати внимание на шefa ПИДЕ! С таким обложением он вздохнул, когда последили в самолет.

— А какой черт мы их тащим в Юную Родато? Места не нашлось в Мозамбике? Вон какой лагерь имеется! Говорят, еще нинто туда не убугал. А могли бы и в Португалию, в крепость.

— Дуале, насилие они Яну Смуту чем-то, вот наше начальство и решило их ему подбросить.

— Посмотрю, как они там устроились... Лейтенант Родато повесил на штурвал наушники, отключил шкаф и достал обшаренный портфель. Непорочно вытиснул из него приклад автомата, ствол, натерянованным движением соединил их, ловко зашелкнул кассету с патронами и отступил завор, Родато лишь секунду помедлил и решительно расплылся вперед. Справа, прижимаясь друг к другу, скованные наручниками, сидели трое арестованных — изможденные, неопределенного возраста. Один повесил голову и Родато. На бедрах лежали снайперские винтовки с люксовидным блеском глаза. Двое других сидели неподвижно, с закрытыми глазами, откинувшись к борту. Родато понаблюдал, что они все сонны.

Напротив устроился трое политических. Их автоматы лежали на коленях, фуражки висели на крючках. Отдельно от них сидел офицер. Он спал, подперев голову рукой.

Родато прирнул за собой дверь в пилотскую кабину и в секунду автоматическим образом выстрелил.

— Нука, бросьте оружие на пол! — крикнул он громко.

Политические растерянно заглядывали, с надеждой отглядываясь на офицера, но так продолжал спят.

— Долго я буду ждать!

Первым бросил автомат пожилой толстый политический. За ним смуглый, скуластый крепкий, рудышский из Бразилии португалец и арестованный, третий же худой, с жалкими лицами и огромными раставленными глазами, пологий ладом на автомат и смотрел на Родато со страхом и ненавистью. Вдур он равнял автор и тут же Родато выстрелил в спуск, отсекая голову и выстрелил. Политический, сорвавшись, упал головой в ноги арестованным.

Офицер, ошелелый спросился, забегая ладьями по кобуре.

— ПИДЕ — португальская охрана. — Пр и м. а в р.

Евгений ИВИН

— Подним руку, или я стрелью! — крикнул ему Ратофо.

Теперь и старший полицейский понял, что произошло.

— Вас будут судить трибуналы! — взвизнул он. — Такое карается смертной казнью!

Затемка! Возвратите у него пистолет! — крикнул лейтенант арестованному. Он подошел ближе к офицеру и стволом автомата указал на заключенных. — Снять наручники!

Самолет выполнял приказы. Арестованные с высоким бледным лицом и длинными прямыми волосами, одетый в грязную белую рубашку с бурными пятнами на груди, положили руки на плечи Ратофо.

— Меня зовут Порфирио. Чем я могу тебе помочь?

— Связи этих, а я займусь пилотом.

Порфирио выдернул пояс на броне пеленого пилота и так резко стукнул ему в грудь. Через минуту трое охранников сидели со связанными руками. Их автоматы Порфирио сложил возле себя и занялся товарищами, которые настолько ослабли, что могли лишь следовать за происходящим.

— Потери, Исиор! Гладя, Ахлино, это я перед тобой, я, Порфирио! — подбадривал он друзей. — Больше нас не будут мучить! Ахлино, не здрей! — Ратофо — Он похлопал по алым щекам товарища, пытаясь привести его в чувство.

Ратофо вернулся в пилотскую кабину, переключив на ступицу автомат. Капитан Сариф держал его пояс с пушкой. На спинке кресла висел его пояс с пушкой.

— Что там? Арестованные збудовались! — спросил он, не поверившая голова.

Ратофо вытаскил из кобуры пистолет капитана, надавил на курок и стукнул ему в грудь.

— Сариф, обезоружьте полицию и освободите арестованных.

— Зачем тебе это было нужно? То что, реиндустр — неожиданно для Ратофо спокойно спросил пилота. — Ты летчик и не суйся в политику, мне плохо кончить!

— Нет, Сариф, я прежде всего борюсь за свободу своей страны. И то, что я сделал, мне приказали мои совесть и патриотизм.

— Боюсь, Ратофо, мне придется изменить мнение о тебе. Ты никогда ведь мне не доверял. Думаю, что ты довернешь и сейчас. И я правильно делаю в этих обстоятельствах тебе не поминки. Я летчик, политика меня не касается!

— Это не только моя родина, здесь родился и ты! Разве тебе безразлична судьба твоего народа?

— Мне не жалко участвовать в твоих авантюрах! — упорно повторил Сариф.

— Ты не разделяешь идеалов нашей борьбы, утверждаешь, что ты вне политики. А переозвучиваешь фашизм и другим темным людям, так их ждет смерть! — это тоже быть вне политики, это тоже тебе не касается!

— Чтого ты от меня хочешь? — зло спросил Сариф.

— Я хочу, чтобы ты повернул к северу на сорок пять градусов.

— Там Замбия?

— Да. Это безопасное место для тех людей и для нас тоже.

— Что дальше!

— В Замбии ты заявишь, что второй пилот сбил оружие вынудил тебя, и так далее.

— Мне не подходить к тебе, может статься?

— Подумал. Но уверен, что ты этого не сделаешь. Для тебя нет никакой опасности.

— Я никогда не был трусом. Есть другие мотивы.

— Потерешь преимущества! В Замбии тебе их компенсируют.

— Думаешь, меня уже можно и оскорблять! — вспыхнул Сариф.

— Промучь тебе сорок пять градусов.

— Пилот молчал. Вдруг он резко нажал правой ногой на педаль. Картушка компаса закружилась, самолет лег на новый курс. Ратофо дотронулся до педальки Сарифа.

— Спасибо, друг!

— Это еще ни о чем не говорит. Я подключаю штурвал.

— Через минут тридцать, два молчала. Внизу расстился желтоватая равнина, на которой одиноко стояли развалины дерева, виднелись лысины песков, торчали осколки скал.

— На какой аэродром прикажете садиться? — буркнул пилот.

— На поле возле деревушки, за рекой Кабуфе.

— Запросил бы хоть погодные условия в Луаке! Момент, там живешь...

— Случилось капец! Погодные условия нормальные: ветер — 40 градусов, скорость — 40 из трех метров, давление — 720.

— Что за черт! Что-то случилось с вертикальными рулями! — Капитан дернул от себя штурвал, но не двинулся. Он развел глаза и указал на приборную доску: горизонтальный уровень замер на месте, самолет шел на одной высоте. Лейтенант торопливо потянул за себя штурвал. Он подумал, что сбавил на мигли скорость в рулях. Самолет был неуравновешен... Холодный пот выступил на лбу у Ратофо.

— Посмотри, нельзя ли исправить, пока нет дифференциала! — крикнул порфириу Ратофо, и лейтенант наконец увидел его глаза. В них не было ни злости, ни осуждения, но не было и обычной мягкости, пилот смотрел на него холодно и тревожно.

— Вышел в грузовой отсек. Полицейские сидели на своих местах, напротив — Порфирио с автоматом. Его товарищи лежали на полу. Ратофо осторожно перешагнул через них и склонился к лейтенанту. Он вынул из автомата патрон и точно, чтобы понять причину аварии: две автоматные пули пробили тугу, и она лопнула. Дурачьиюминиевая труба расшилилась, исправить ее не было возможности. Единственное, что он мог сделать, — это удерживать руками кусок туги, тугать ее вслепую.

Почти неуравновешенный самолет снижился. Сариф вытиснул тормозные штыки, пытаясь погасить скорость, упреждая Ратофо. Но скорость снижалась не так быстро, как хотелось. Ратофо вынул из кармана мушкетерское стрелометное прицельное устройство, что видел Сариф, но не видел Ратофо, он лишь чувствовал скорость. Пот разбежался глаза, заповяла в рот. Но лейтенант не спускал глаз с Порфирио, который должен был передать ему команду первого пилота.

— Давай! — звал во все горло Ратофо. И в-за шума моторов Ратофо едва услышал его голос, но понял, что наступил ответственный момент. Вцепившись мокрыми руками в пирокантов тугу, он что было силы потянул ее на себя. Тугу поддался и подставил свою огромную массу, но не выдержал. Она выскочила и чудовищно скользила в лотуху карм, равные карм дюралюминиевой трубе упились в ладони, кровь потекла на пол. «Будь невняжно, еще немного», — стучала из головы — всего несколько секунд... Сильный удар самолета о землю бросил лейтенанта вперед, он ударился о перегородку и потерял сознание.

Левое шасси самолета поало в глубокую яму и не вылезало. Машина колыхнула на месте, вспыхивая крылом сукую земью.

Ратофо встал. Поклонившись, прошел в пилотскую кабину. Капитан сидел в кресле, уронив голову на спинку.

— Ты ранен! — Лейтенант тряхнул его за голову.

Сариф поднял голову и слабо улыбнулся. В кабину залопотала галка, и лейтенант увидел клубы чуждым и жарким пламенем.

— Капитан, быстрее, самолет горит! — Он кинулся в грузовой отсек, распахнул бортовую дверь. — Выбираться быстрее, горит!

Полицейские бросились к выходу. Порфирио на руках вытаскивал Исиоро, Ратофо вынес совсем ослабевшего Ахлино. Огонь уже бушевал вовсю, когда из самолета выпрыгнул Сариф. Он отблежал метров сто, и сильный взрыв потряс воздух.

Почти сразу же загорелся самолет. Голосок у джонк было оружие: у Ратофо — автомат, у Порфирио — пистолет. Измениченный торометным пистолетом, Исиоро быстро выскочил из сил. Его морщинастый, седой, морщинистый щипало стало совсем серым, он шептал в полублабыт:

— Порфирио, брось меня здесь. Спасайте Ахлино!

— Я, жинир, обещанье! — вдруг возразился Ратофо. — Ты поменяешь на себе этого человека! — приказал он толстому полицейскому. — А ты ниси другого! — ствол автомата уперся в бок второго полицейского. — Вам, сеньор офицер, придется прыгнуть своим.

— Не имеете права! Это — оскорбление моего мундира! — пытался сопротивляться полицейский.

— Мне наплевать на ваш запляканный кровью мундир. Если вы не поменяете этих людей, спящих в саванне! — окончательно вышел из себя Ратофо.

Ночь прошла тревожно. Рядом бродили джигоня звери, Ратофо пытался на жадное голодное рычание. Он стрелял в темноту из автомата, выхватывая из кюстра головышки, чтобы отогнать хищников от стюжника. С рассветом Ратофо приказал двигаться дальше.

В полуденный час солнечного удара склонился старший полицейский, и теперь офицер тащил на себе Исиоро.

Вновь солнце закатилось за горизонт. Обессиленные, вымотанные, сбитые, усталые, обессиленные, спали Порфирио, Исиоро, Ахлино. Рядом с Порфирио лежал капитан Сариф. Только

Ратофо не спал. Он и не имел права спать. Когда сон начинал одолевать его, он вставал и ходил по кругу с автоматом, держа его в руках. Иногда как-нибудь звезда свалилась вниз и, прочитав след, исчезала. Ратофо вспомнил, как мать говорила ему в детстве: «Звезда — это чья-то судьба. Когда она падает, значит, судьба твоя или не твоя». Ратофо по подвешена к небосводу, — подумал Ратофо.

Он не помнил своего отца: родился вскоре после его смерти, но из рассказов матери знала, что отец был известным врачом в городе. Выстрелом из пистолета отец вывел ее из жизни. Когда наступила Поже, когда Ратофо уже учился в офицерской школе в Португалии, старый друг с семьей рассказывал, почему погиб его отец. Один из основателей движения, который вывел его из жизни, он вызывал страх у португальской охранки. Тайная полиция предпочла ту же расправиться с ним.

Потом мысли Ратофо перенюсли к тому вечеру, когда его отец сорвал с себя маску Жуаном. В тесной полуоткрытой камере на окраине Вила Фонтес его ждали двое мужчин и женщина. Лейтенант был знаком лишь с Жуаном, членом Политбюро партии, бородатым, широколицым африканцем. Остальных видел впервые. Женщина протолкнула Ратофо руку с тонкими, длинными пальцами и улыбнулась.

— Так вот вы какой, Ратофо! — растянула глаза, протискивая его слуховатым голосом. — Я думаю, что вы старше...

— Ратофо — военный летчик, — преврал ее Жуан. — Познакомься, Ратофо, это Сорите, член регионального подпольного комитета партии. Товарищ Ахлино, это Сорите, член политбюро. Держи Ратофо руку на плече мужчине. Лейтенант разглядел его лицо, покрытое оспой. Верхняя губа и нос были расцарапаны, на подбородке виднелись два розовых шрама. — Год назад, ПИДЕ схватили трех наших товарищей, членов партийного руководства.

Завтра в полдень на военном самолете их перепорез в Датт. Это время правительство Яни Симта. Все трое в свое время работали и подпольно в Юстингборго прикладывая решение организовать их побег.

— Что я должен делать, товарищ Жуан!

— Не тебя волнует это задание операции. Завтра утром я приеду в Датт, а ты выслушай разговор Сарифом поवेशе в Датт трех арестованных. Любым средствами их надо доставить не в Датт, а в Замбия, в Уафе...

— Сариф!

— Нет, он ничего не знает, — вмешался в разговор Агадас, и не должен знать, пока вы не поднимите в воздух. Давай принеми по карте твой маршрут.

В Замбии он совершает посадку у деревни Нгува. Потом Сариф поведет полицейских куда хочешь, а ты останешься в Замбии. С капитаном ты должен договориться, не долетая реки Саниты. Женщина подошла к Ратофо и поцеловала его в лоб.

— Пусть тебе будет удача, мой мальчик! Передай привет Порфирио, это мой муж.

— Язык пламени совсем сжеглись. Ратофо уронил голову на грудь, задремал. Лейтенант не чувствовал, что все это время за ним внимательно следил пилот. Ратофо повернул голову к офицеру. Тотер он не слышно встал. Осторожно сделал шаг вперед, склонился к лейтенанту. Руки потянулись к автомату. Офицер высвободил из кобуры пистолет, отступил затвор, направил автомат в грудь Ратофо.

— Два выстрела раскололи тишину саванны, офицер уронил автомат и в последнюю секунду своего жизни выстрелил в голову капитана Сарифа с замятым в руке пистолетом.

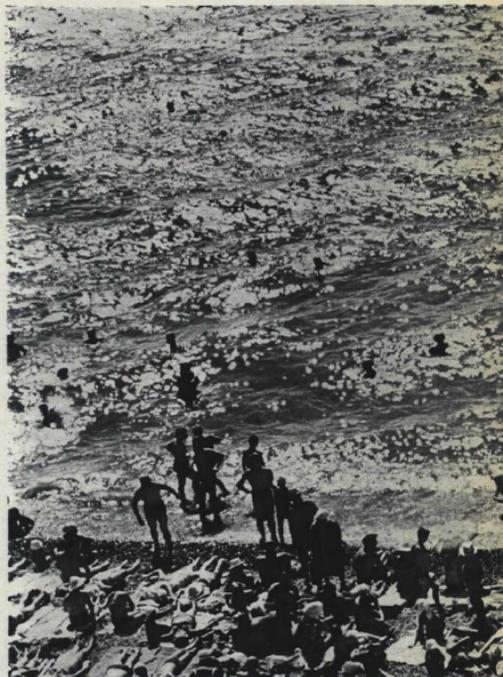
— Прости меня, Сариф! — только и смог вымолвить Ратофо.

Син снова шил, задышал от зноя. Вперед подымалась золотая степь леса. Там дождик. Костыль была рема. Теперь их осталось четверо. Последнего полицейского укусила змея, и он умер. Не выдержал тяжелого пути Ахлино, Ратофо и Сариф завалились мертвыми возле камыша, чтобы они не достались хищным зверям. Лейтенант вылез из одного единственного яра в воздух, держась остатком патрона. Порфирио плакал над могилкой соратника и друга.

Конец пути — тонкая на себя беспомощного Исиоро. Поздней ковила, повиснув на плече у Ратофо, Порфирио. Неожиданно лес расступился, и открылся сербристая лентя реки. Она была совсем рядом от стюжника. Ратофо лопнул, упал на колени и опустил на землю Исиоро. Ратофо задыхался, затылок бежал к реке.

Трое полуживых ребятишек удивленно тарачили глазами, глядя на слепых мужчин, оглавно и испугливо, но на последний крик разважились к спелительной воде.

У BOGgy

ПЛЯЖ. СЛОВАРИ ОБЪЯСНЯЮТ НАМ ЭТО СЛОВО ТАК: «УДОБНАЯ ДЛЯ КУПАНИЯ ПЕСЧАНАЯ ИЛИ ГАЛЕЧНАЯ ПОЛОСА, ЛИШЕННАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТИ...» И ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ЛЮДЬМИ, ДОБАВИМ МЫ.

СКУЛЬПТУРА «КУ-ПАЛЬЩИКИ». ОНА ПОСТАВЛЕНА В ПИЦУНДЕ У ЗНАМЕНИТЫХ ПЛАСИНОАТОВ.

ПОЛНЫМ КОМФОРТ.

оминтся, лет восемь, а то и де-
 сять назад лето в Москве сто-
 яло хуже, но помню лишь дожди,
 хмарь, холод, слюной, поздия
 осени в разгаре июля. Так хо-
 телось солнца, тепла... Все с
 надеждой поглядывали на не-
 босинками и замирали, когда
 по радио передавали сводку по-
 годе. Фазиль Искандер в одно-
 м из своих рассказов очень точно
 подметил эту страсть москви-
 чей (а может быть, всех севе-
 ров): следить за сводками пого-
 ды. Но что поделаешь, лето так
 коротко, а погода так перемен-
 чива... Вот и тогда циклоны и
 антициклоны сражались прямо
 над нами, а следы их боев —
 слепящий и мгла отравляли нам
 жизнь, каляли ее сухой и се-
 рой.

Есть танял веселая присказ-
 ка: «Что нам стоит дом постро-
 ить — изрушим, будем жить». —
 Вспомни ее, мы и решили в
 редакции сами устроить лето —
 такое, как нам хочется. И вы-
 шел журнал с ирассочными, весе-
 лым репортажем — о солденык
 зачниках в окнах, о теплой мо-
 рской волне, о цветах и пенни

птиц. Назван был этот репор-
 там щедро и даже с иенотерия
 выговом: «Каждому по солнцу».
 Как легко, оизывается, побе-
 дить природу, прослыть дально-
 видным и прядусмотрительным;
 идруг и вправду началось на-
 стоящее лето с жарой, с пере-
 полненными автобусами, слыша-
 щимися за город, с очередями у
 мороженщиц и ивасных чи-
 стов. Вместо репортажа-меты
 получилось что-то вроде учеб-
 ного пособия по летнему от-
 дыху. Нам прислали тогда очень
 много хвалебных отгиснов, но
 кован среди авторов, между
 прочим, не было.

А почему все-таки мы так
 стремимся к лету, к теплу, к
 солнцу? Для того, чтобы со-
 гретясь после стпыной зныи?
 Ничего подобного. Не такие уж
 мы мерзляки, напротив, мороз
 нам приятен и вполне по серд-
 цу. Но ведь вместе с летом при-
 ходит пора воли, пора купан-
 ния — наша страсть, наша мечта,
 нечто массовый значе-
 ский обряд, которому верны все
 от мала до велика.

Всевладушй, всезнающий
 Дядя объясняет глагол «купать»

сухо и деловито: «погружать в
 воду или иную жидкость, об-
 мыывать». Не будем сотовать на
 филолога, ведь в его времена
 подит Байрона, совершившего
 первый кобичаевый зачетст-
 рованный дальний залив, си-
 чился поэтическии чудачест-
 вом, а купальщином называ-
 ли того, кто... держит веревку,
 к которой привязан человек,
 купающийся в море. Как види-
 те, в старину водо-спасатель-
 ная служба была куда как
 строем.

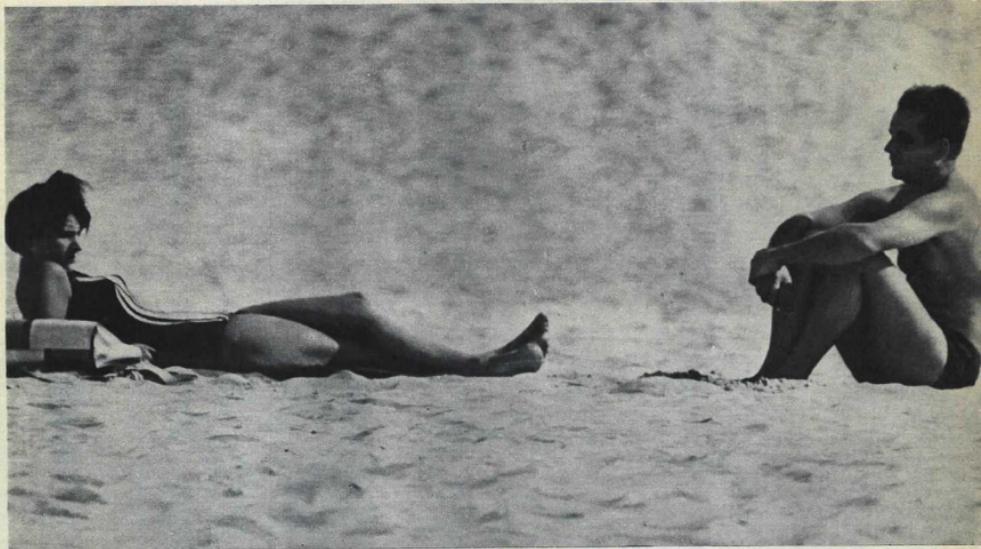
Да, мы стремимся к воде —
 к рекам, озерам или просто к
 большим лужам, которые буй-
 ная фантазия изгоподвавших
 горьким именем расплясчатого
 и остронико: «водоемания».
 А отдык у морей! О для многих
 эти слова звучат как синоним
 счастья, даже если нить при-
 ходится в курятнике, только
 что освобожденном от законных
 владельцев.

Истатн, задумывались ли вы
 над странностями нашей ку-
 рортной терминологии? Когда
 заходит разговор о море, мы
 сразу же начинаем рассуждать
 о преимуществах Крыма над

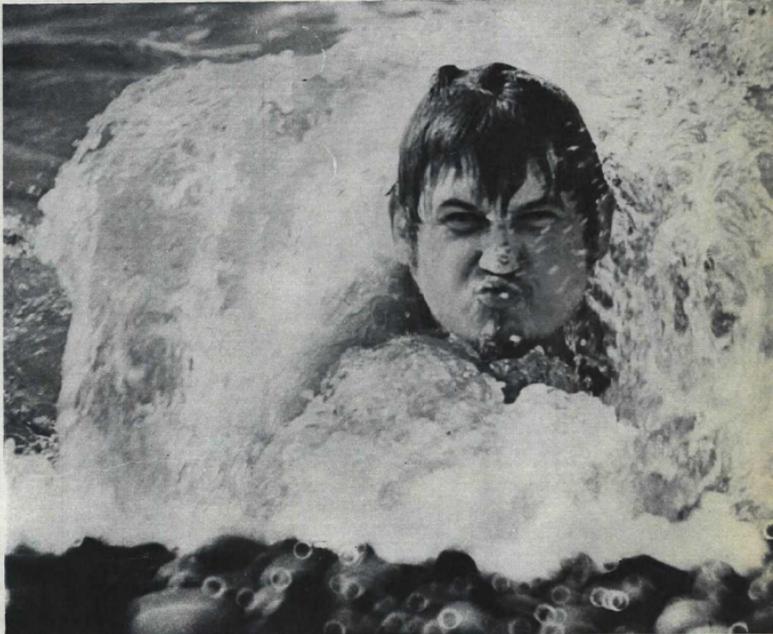
Василий АРСЕНЬЕВ,
 Мирослав МУРАЗОВ (фото)

ДАЖЕ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ ВАС НАЙДЕТ ФОТО-
 ГРАФ И ПРЕДЛОЖИТ СДЕЛАТЬ СНИМОК ДЛЯ ДОМАШ-
 НЕГО АЛЬБОМА.

НАВЕРНОЕ, ВОДА СЕГОДНЯ
ХОЛОДНАЯ.

КАК ВИДИТЕ, ДАЖЕ СО-
СТОЯНИЕ БЛАЖЕНСТВА
ЛЮДИ ВЫРАЖАЮТ ПО-
РАЗНОМУ.

**О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭТИ ДВОЕ
НА БЕРЕГУ? А МОЖЕТ
БЫТЬ, НИ О ЧЕМ, ИМ ПРО-
СТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ВМЕ-
СТЕ, У САМОЙ КРОМКИ
ПРИБОЯ...**

Кавказом, нам и в голову не
приходит, что собесадин имел
в виду Каспийское, Арабское
и, наконец, Белое море. Бал-
тийский Ну нет! Оно на нашем
материковом языке именуется
подомашнее — Визором. Чер-
ное море Оно, и только оно,
потому что там самое лучшее
купание и самый причудливый,
несымаемый, как татуировка,
загар.

...И раскалывается солнце на
тысячи сверкающих осколков,
и холодный голубой ствол
вонзается в тело, заставляя на
какие-то мгновения задержать
дыхание, а движения наши ста-
новятся судорожными, неумо-
лимыми. Потом приходит ошуе-
ние необъяснимой легкости,
невесомости, может быть, сред-
но тому, которое испытывают
парашютисты и космонавты. И
вы плаваете или просто лежите
на воде, лицом и солнцу,
лишь перебирая руками, и
чувствуете себя родственником
рыб, пуская и очень далеком.

У настоящих пловцов-спортс-
менов все не так, наверное, не
так. Ведь они всегда спешат,
над ними, как давновое меч,
замысены стрелы секундомеров,
а вместо горизонта — набега-
ющая стена финиша. Нам же с
вами спешить некуда, мы при-
шли и воде просто покататься,
и стиль, которым мы плавим, не
зависит ни в один спортивный
справочник.

В небе ни облачка, вода чуть
колышет, и, если опустить лицо
вниз, можно увидеть песен,

намни, стайку вертлявых ры-
бок, спешащих куда-то по сво-
им глубинным делам. А потом
вы выйдете на берег, растине-
тесь на песок и будете лежать
так до тех пор, пока рядом не
будет Лески и будет леметать
к вам колдобный мяч. На пля-
жах полагаются играть в волей-
бол — какую-то странную игру,
требующую обязательно пока-
зывать удачу жондлерскую и
«гасить» каждый мяч, а потом
долго бегать за ним, сбывая но-
ги о корити и камни.

А еще на пляже полагаются
использовать транзистор — это чу-
до двадцатого века, преврати-
вшийся в исчадие ада, куда бо-
лее страшное и опасное, чем
солны сольвев-разбрызгивов.
Никогда не забуду римский
пляж, весь уставленный гонци-
цами, верещащими, уползаво-
щими «Спидолами»...

Но о транзисторах это так, и
слова, ведь мы с вами можем
выбрать удили и потяже, по-
сборнее. Например, подмосков-
ную речонку Десну — широ-
кую тезку знаменитой россий-
ской красавицы. Впрочем, и
там теперь не протоняться —
бываю на бываю, почти как
на Днепре или в Лите. Я-то
знаю еще одно хорошее мест-
но, но никому о нем не скажу.
Потому, что ничто мажорское
и нам не чудно, и нам вы може-
те судить по этим фотографиям,
мы только что вернулись из
вест, где обитает членя велико-
го, необъятного, восприни-
мающего племени нутальников.

**ВСТУПАЮЩАЯ В ВЕЛИКУЮ
СЕТКУ КУПАЛЬЩИКОВ.**

Анатолий ЖИГУЛИН

Согрело мартовское солнце
Безлолито у колодца
Еще заснеженную степь.
Базило обмерзшую и цепь.

Уже готовые для севы
Рокочут где-то трактора.
И дух оттаившего сена
Струится с дальнего бугра.

И после долгого ненастья
Опять простор — широк и свеж.
Опять рукой поднять до счастья,
До всех несбытаемых надежд.

И ждет душа отрады вешней
Благословенного тела,
Как почернявшая спорочница,
Как обманная вилка.

Желтоватые покосы.
Ежевика в старых резах.
И качаются березы
На разрушенных церквах.

Как прекрасна эта доля:
Видеть каждый божий день
Это небо,
Это поле,
Этот новый плетень.

Уходить,
Зарю встречаю,
В эти стальные луга.
Слушать нежное звучанье
Серебристого ося.

Поднимается белый холодный рассвет.
В мерзлых лужах
Покушая стынет трава.
Словно в жизни хорошего больше и нет.
Только грудь все болит
Да болит голова.

Обещая смятые сентябрьского дня,
Скоро хлынет зра —
На болннику, на парк...
Милый доктор! Дюной отпустите меня.
Я бы с вами сегодня пошел в зоопарк.

Посмотрели бы белых полярных лиски
И попили с печеньем в кафе молока.
Покормили бы первых осенних синиц
На площадке подростого мелодика...

И пласал бы медведь,
И смеялся бы сын.
Очень весело было бы мне и ему,
Я бы очень толково ему объяснил
Все его бесконечные «квант, «печему».

Ползает заря, тонко-токо звеня.
В немом розовом свете березовой парк...
Милый доктор! Дюной отпустите меня.
Я бы с вами сегодня пошел в зоопарк.

По белокрылым перелескам
В густом снегу
За рядом ряд,
Подобно ангелам небесным,
Земные влочи летят.

И сам лечу я в этой сини,
Лыжиной сверяющей бегу,
И стаят кустик польши,
Слегка звенящие в снегу...

О время змязного покоя,
Когда, почти что не дыша,
Любовью, болью ли, тоскою
Не омрачается душа!

Прими меня в свой сон
Бесесный,
В свой зыбкий холод уведи,
Дорогой трепетной и вешной,
Где что-то мнитса вперёд.

Душой распахнутой приемлю
Седой от стужи березина,
Морозом снованую землю
И дальний-дальний лай собак

Безот и алдеря веселый Рымик,
С которым я едва знаком,
И белый снег с олдской лыжет
Горячим красным зыткою.

И грустно-грустно, чисто-чисто
У яркой лыжинки в руке
Поет игрущный транзистор
На итальянском языке.

И впереди, за черной елью,
Вместила солнечная даль
Скупое русское веселье
И итальянскую палаш.

Вот и снова мне осянь березина,
Красных листьев осянь веселье,
И полоскою туманна выши,
В час змязлого, злого похмелья.

Вот и снова гонты я шагать
По хрустички бурьянам за горой,
И в заливе дронат камыши,
Этот чистый, цолигельный холод...

Тяжелее струится вода.
Горизонт надлеет и прозрачен,
И в заливе дронат камыши,
Ткий берег вдали обозначен.

А вокруг ни единой души.
И обрылы от инее белы.
И в заливе дронат камыши,
Словно в сердце козвенные
стрелы.

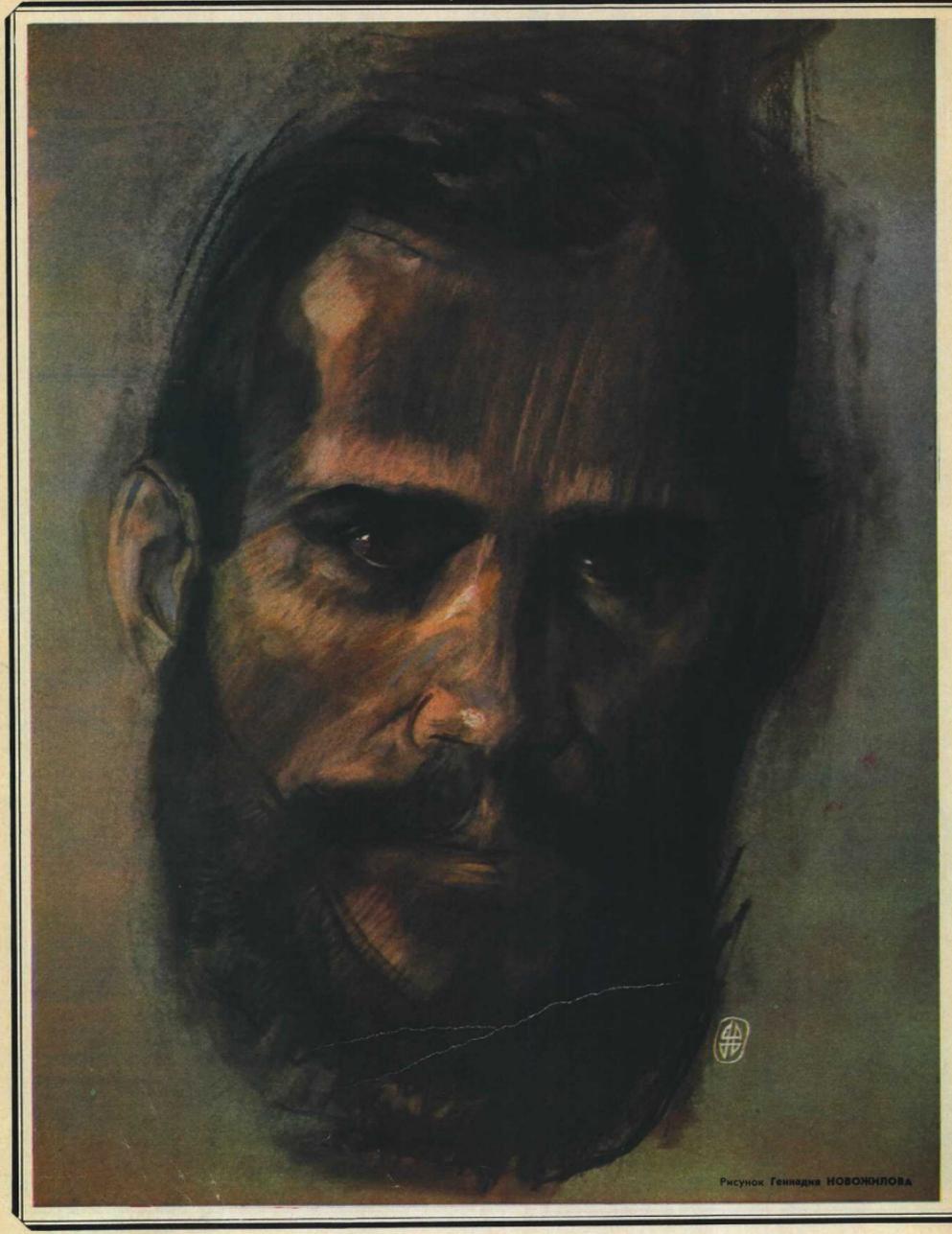

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ле этого он достал из бумажника две десятирублевые купюры, попросил старшего из ребят выдать ему обратно все газетные комки. Впечатление получилось такое, что весь вечер состоит из денег. После этого Ибадов завернул его в новый кусок газеты и сметка надорвала его, чтобы выложить деньги.

— Готово, пожайлуста,— объявил он.— Кукла что надо. Кто хотите зарожает.

— Неплохо,— улыбнулся Сергей, судя за его мимикой и интонацией:— А мы будем... Он взглянул на Мухомова.

— У меня ребят соберем,— торжественно ответил тот.— Дима. Гостиен будете, конечно.— Мухомов радостно заулыбался. Доросшие гостиен, конечно, не было. И вы, товарищ Ибадов. Я предлагаю сейчас не решать, конечно.

— Странно, Мухомов так уверенно заявил, что якобы ни к кому здесь не приезжал родственники ни в каком виде. И вы, товарищ Ибадов, вы видите на виду, тем более если он приезжал на машине. Но Кариму-то приезжал, причем именно к родственнику.

Красивый парень, кстати, этот Карим. Сергей вспоминал фотографию, которую рассматривал в милиции, маленькую фотографию для паспорта. А он и сейчас алкал у него в кармане. Толкое, не было ни одного родственника, который бы знал о нем. Больше глаза, тоже строго и звучные, как у слепой Мухомова, родника на щеке, густые, наслупенные брови. С характером, видно, парень, гордый, неглупый. В таком легко можно было немало размышлять, и вояка с ним тоже нет. Да, Диму можно позвать.

Так к кому же приезжал сюда этот Карим, к какому родственнику? Ведь Дима твердо сказала: к родственнику. И Кариму не было смысла ее обманывать. Этот родственник надо чтобы бы то ни стало найти. Как же это сделать? Возможно, он уже знает об аресте Якубова, о бегстве Карима и затеивал, спланировал, а то и вовсе убил...

Мухомов сморщил лоб. А Сергей продолжал размышлять, переменяя позу, вытирая застывшие ноги и время от времени машинально клал в рот то мигалку, то зажигалку, то отламывая лезвие от бритвы.

Но вот в комнате вопли, оживленно переговаривались, трое смущал, черноволосый парень в зюбейках, в больших рубашках с закатывающимися рукавами, странным выражением. Увидев Сергея, они умолкли и, сконфузившись, приглядывались к нему. Сергей поднялся и по очереди пожал им руки. Парень представлялся, а поворачиваясь вела за ними Мухомова, указывая на него пальцем, что машинально и удобно расположились на подушках. Тут же появился еще несколько человек, тоже молодые, улыбающиеся, говорливые.

Мухомов, обведя строгим взглядом собравшихся, сказал:

— Вот приехал товарищ полковник из Москвы. Большое дело его к нам привело, конечно. Надо узнать, кто в ваших книжках конволяло сест, кто машину продал, приехал из Ташкента, товарищ Родственнику, конечно. На машине приезжал. Вспомнить надо. Обязательное.

Парня молва, внимательно слушала, а когда Мухомов кончил, один кто спросил его по-таджикски, и тут же все засмеяли, заговорили между собой, оживившись и словно забыв о госте. Сергей прислушивался к незнакомой, быстрой речи.

Наконец Мухомов обратился к нему:

— Говорят, разные люди приезжали. Родственники не приезжали, конечно. Ану еще курит незнакомые стрелки. Им все равно умереть. Такого курит старик Акбаров курит старик Сулаймов Наби курит.

— И это брат?— спросил Сергей.

— Турбат! Тяжел человек, привычный.

— И Турбат курит,— вмешался один из парней.— Тяжко курит...

— Нет, нет,— перебил его другой.— Турбат не курит.

— Нет, нет,— поддержал его второй.

— Вы говорите, разные люди приезжали,— сказал Сергей.— А вот этого человека кто-нибудь видел?

Взглянув на фотографию Карима и передав ближайшему из парней. Фотография пошла по рукам. Ее внимательно рассматривали, переговаривались, переменялись между собой, выходя отступая к выходу на улицу.

— Сергей смеяла за выражением их лиц. Нет, кажется, никто не узнавал Карима. Или он приехал не сюда? Но район определен точно, а этого не было сомнения. А впрочем...

— Нет, не видел, так,— сказала последняя из парней, к которому пошла фотография, возвращая ее Сергей.— Никто не видел.

— Разрешите,— попросил неожиданно Мухомов и повернул фотографию в руках, задумчиво проза-

нес:— Видел такого. Видел, конечно. В чайхане сидел. Курит сигареты.

— Вы не ошибаетесь?— настаивающе, переспросил Сергей.

— Да, видел,— уже уверенно повествовал Мухомов.— Да, видел. Моей же памяти.

Итак Карим появился здесь. Это было очень важным открытием. Но почему никто из ребят не видел его? Скорей всего, они просто не запомнили ту случайную встречу. А у Мухомова профессиональная память. Да, скорей всего, это так.

— К кому же он все-таки приезжал?... досадно прозвнес Сергей.— Вот что главное сейчас.

Он снова переменял позу. С непривычки ему было неудобно сидеть на этих подушках.

— Авай еще посмотрим,— продолжал один из парней.

— И снова пошла по рукам маленькая фотография.

«Теперь уж они его запомнят,— подала Сергей.— Авай еще посмотрим».

— Кто же еще в ваших книжках может торчать гапшиком?— спросил он.

Начали перебирать одно за другим жалкие остатки книжков. Парни засмеяли, заторопившись.

— Именно сюда переходя на узбекский язык.

— Есть, конечно, один человек,— с сомнением в голосе прозвнес наконец Мухомов.— Пустой человек. Телая Рахимова бунду жует.

— Рахимова?— спросил Павел. В Самарканде на базаре день живет, еще день живет, еще день живет. Приезжал к нам сюда. Надо проверить, конечно.

— А сейчас он здесь?— спросил Сергей.

— Надо проверить,— решительно повтори Мухомов и обратился к одному из парней:— Авай, Назим, к нему зайдя. Сейчас зайдя. Сосед явно его знает. У него есть и чайхане, гадала. В него же Ознер много. Давно это было. Гадала, дома он, гости есть?

Парень пружинисто вскочил и, кивнув, исчез за дверью.

— Ах, Асыл,— обратился Мухомов к другому парню,— в чайхане себя. Смотри туда, смотри сюда, кто сидит. Шوفر так с машиной, из Самарканде, конечно. Пустой человек, добавляет тебе. Не надо волноваться. Пусть задерживает, документы проверит. Серьезит в форме, имеет право, конечно,— повернулся он к Сергею.— Утром я сам смотрел.

Ибадов, уже несколько раскрасневшись, невозвратно вынул Ибадов. Отмыкая глазами Сергей, он торжественно добавил:

— Все, Сергей Павлович. Задержал мы его.— И завернул обратно в Мухомова, а потом вышел комсомолец помог. Замечательный парень, честное слово.

— Подходите. Мурат, рассматривайте все по порядку, изучайте Сергея.

— Садись, товарищ,— торжественно сказал Мухомов, бросив подушку возле себя.— Не надо стоять. Садись!

Ибадов, еще не отмашившись, опустил на подушку, поджав под себя ноги. Обувь он по привычке оставил в прихожей.

— Значит, так,— начал он.— Разыскал я сначала старика Акбарова. Увидел он у меня кукаку.— И начал рассказывать, старик Акбаров действительно «задрожал», как и предсказал Мухомов. Дотога он с Ибадовым осторожно прощупывали друг друга и плели хитрые словесные кружева, пока Акбаров наконец не объявил, что Мухомов — приезжий человеку. И повел его к Рахимову. Тут в дом их, однако, не пригласил, и они вела разговор во дворе, около овчарки. Рахимов оказался так же, как и Ибадов, не совсем уверенным. И Ибадов осторожно намекал, что если его опередили люди из Ташкента, то он не обидится и придет в другой раз. Тут Рахимов почему-то испугался, что Ибадов может уйти, и начал говорить захлебываясь ему в голову, даже такое, что Рахимов и есть тот родственник. Об этом Ибадов сразу подал. Пожа они беседовали, пришел какой-то парень. Бороте ему оттереть уши, и сам он начал говорить. Пришлось вела себя очень строго и, видно, что-то узнал от сына Рахимова, спросил: «Где твой гость, Телая? Говорить с ним кто? Ибадов сразу выторжился, а Рахимов сказал, что извлекло гостя у него нет.— «Неправда, Телая,— сказал пришедший.— Мне уже Ташпурат сказал про него». Тогда Рахимов испугался и сказал, что виноват это не гость. Он к кому-то другому приехал, но дома его не знает, и он сам не спрашивает. Что он, Рахимов, знает не знает этого человека и к кому он приехал, тоже, и, жемелуясь, может его показать. И Ташпурат сразу подтвердил, что и он тоже не знает этого человека. Старик Акбаров рассердился и сказал, что пришедший совсем еще молодой и вместе бедаше почтенных людей. А тот заявил, что его послаа товарищ Мухомов. И тогда все пошла в дом. А там оказалось,— Ибадов.

— Карим?— недоверчиво переспросил Сергей.

— Он самый, Сергей Павлович,— с торжеством подтвердил Ибадов.— Тот же Карим.

— Где он сейчас?

— Здесь во дворе. Никого его стережет. Мы его тут же задержали.— Для проверки удостоверения как будто. Не хотел идти. Куралас даже. Нож хвятил. Пришлось мне удостоверение показать.— Ибадов ослептелно улыбнулся.— Старика Акбаров чуть уда...

— Ну, повезло нам, ничего не скажешь. Круто повезло.

Сергей задумчиво поет подбородок. Он еще не знал, какое открытие ждет его вперед.

— Кто-нибудь,— сказал для проверки удостоверения, молчавшим, понимая, что случившись что-то важное, может быть, то самое, ради чего и приехал к ним этот человек из Москвы.

Мухомов, хмурясь, машинально застегнул куртку на своем кителе и взял лежащую рядом фуражку.

— Сергей повернулся к нему.

— Вот бы я где-нибудь поговорить с задержанным?

Мухомов поспешно поднялся.

— Можете, конечно, товарищ полковник. Комната есть, конечно.

— Они же сидят в прихожей, и Мухомов отворил какую-то дверь. За ней оказалась точно такая же комната, только поменьше, с раскрасневшимися в разные цвета потолком, с пестрыми шелковыми занавесками и плакатами, установленными на пол. С потолка свисал полувзрывной платный шпак и стоа из того же, видимо, чешского пернтура.

— Хорошо бы пару стульев, если возможно,— неуверенно прозвнес Сергей, боясь обидеть хозяина своей просьбой.

— Можно, конечно,— понимающе откликнулся Мухомов.— Сейчас Асылка принесет. А я,— он Ибадова фружачил.— А вы подождите.

— Подходите. Пусть сначала зайдет Ибадов.

— Слушаюсь.

Ибадов Сергей торжественно сказал:

— Это именно так же, как с Ташкентом... Из райотдела, он тут недалеко. На машине подождите. Пусть побыстрее узнают у матери или сестры Карима, какой их родственник живет здесь, в книжке. Мы со своим это упустили. А он, однако, никак не дожидается ответа и сразу сюда, изваз.

— Рахимова имя назвать?

— Нет. Пусть сами его назовут.

— Идет, товарищ Сергей Павлович.

Мухомов стремительно повернулся и исчез за дверью.

А через несколько минут Мухомов ввел в комнату высокого, худого парня в синей перчатчанной пиджачишке, в рубашке с белыми пуговицами, узких, модных серых брюках. Сергей узнал его. Такое же, как на фотографии, тонкое, нервное лицо под шапкой черных ступинных волос, густые брови, большие хмурящие глаза, родника на левой щеке. И только раскрасневшись под взглядом сынак делал это лицо почти неузнаваемо разбойничьим.

— Здравствуй, Сафаров,— сказал Сергей.— Имя фамилия Корнушев. Сергей Павлович.

Узнав фамилию, Ибадов быстро вынул из кармана взгляд из-под наслупенных бровей и, продолжая стоять, откровенно спросил:

— Почему меня задержали, да каком основании?

— Сейчас узнаете. Садитесь же.

— Не желаю садиться!

— Как угодно. К кому вы приехали в книжке? Или к кому. Сказал об этом месте, вот я и приехал.

— Зачем?

— Просто так. Никого это не касалось. Что, ездить вы сюда?

— Здесь живет ваш родственник?

— Никакой родственник здесь не живет.

— А разве зачем вы сюда приезжали?

— Приезжал я сюда ради родственника.

— Неплохо,— подала громовой Сергей.— Приезжал. Вас тут видел. Рахимов утверждает, что вы приехали к какому-то человеку, но не застали его дома. Это верно!

— Приехал я и этого человека,— хмуро ответила Карим, глядя куда-то в сторону.— Чтобым нечего тут.

— Придумали! И Дине придумали, что у вас тут родственник живет?

— Дине!

Карим, вздрогнув, пристально посмотрел на Сергея.

— Да, Дине. Ну, вот что. Не будем играть в прятки. Садитесь и слушайте. Я, как и вы, приехал сюда не случайно. Садитесь.

Карим поспешно опустил на стул. Он был по-прежнему сидит с оком.

Сергей продолжал.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Впервые я познакомился с вами, Карим, правда, конечно, еще зимой, когда вы с Рожковым приехали в Борск, к Семенову. Вы помните эту поездку?

— Не, помню...

— Придется вспомнить. Рожков арестован. И Семенов тоже. И ваш тапкевский родственник Якубов. Все это вы знаете. Карим. У них конфискован гапши. А его призовали вы, Отсуда. И вы не задержаны, Карим. Вы арестованы. Мы доставим вас в Тапкект. Но прежде я должен знать, кто ваш родственник здесь, у которого вы покупали гапши. Вас послала Якубов.

Что-то дрогнуло в лице у Карима, нервно скривилась губа, еще больше пригнулась чуть запыленная от синика глаз, в уголке его задрожала какая-то жила.

— Э-э... ничего... не знаю... передала он...
— Надо подумать... сложно возрады Сергей... Надо все взвесить, Карим. Между прочим, Дина вам написала письмо...

— Она тоже... арестована!

— Была. Сейчас она дома.

— Э-э, прете... махнул рукой Карим.

Сергей усмехнулся.

— Увидите сами. Так вот Дина написала вам письмо. Когда еще арестована. Поэтому письмо пошло ко мне. Она написала вам вот что... Сергей почти слово в слово передал содержание письма.

Карим слушал, не поднимая головы, безмолвно опустив плечи.

— А вам не хочется жить спокойно? — спросил Сергей. — Жить честно? Дина больше не хочет эти деньги. И с вами она простилась. Первая. Хотя... Впрочем, вы сами увидите это письмо. Она вам его пришлет, наверное. Там она с вами прощается. Но она еще и благодарит вас за любовь к ней. А ведь эта любовь принесла ей столько горя, столько разочарований.

— И тоже... благодарю... стиснула зубы, произнес вдруг Карим, не отрывая глаз от пола. — Не думайте...

— Ну, ну. Тем более, значит, надо все взвесить

в своей жизни, Карим. И решить, что будет дальше. Сейчас именно такой момент, Карим. Может быть, самый ответственный момент. И, я думаю, еще не поздно кое-что исправить. Да, я так думаю. Ведь посмотрите, с кем вы связались. Рожков убил вашего друга Тоюгу Гусева. Осталась Гада, остался сын. Толя не хотел тех денег. И он решил вернуться к Гаде, вы знаете. И вот его вот Рожкову велел это сделать Якубов. Он искалечил и вам жизнь и Дине тоже. Он тоже убивал людей. Вот с кем вы оказались рядом. Подумайте, Карим. Подумайте. Ведь вы не такой, как они. И вам еще долго жить.

Сергей с трупом сдерживался. Такой парень... Гибнет такой парень! Разве можно это допустить? Из-за проклятых денег, из-за собственной глупости, упрямства, слабости. Из-за чего еще, черт возьми! Как добираться до того благородного, чистого, что еще осталось у него в душе! Как разгадать в нем эти уснувшие чувства? И как там они вообще! Впрочем, они есть, есть, это точно. Но удастся ли добираться до них, вот вопрос! Бедла в том, что нет времени разбираться в этом парне. Как он жаж, чужо, кто окружал его! Пока нет времени. Надо спешить.

Сергей вздохнул.

— Подумайте, Карим. Я вас сейчас оставляю. Скоро мы поедем. Перед этим мы еще раз поговорим. Если захотите, то личносту.

Карим продолжал утримо молчать. Сергей вышел из комнаты. А спустя еще час возвратился Ибадов. Комсомольцы уже разошлись. В большой комнате находились только Сергей и Мухомов. В мыслях слыла баранина. В кухнях не убавилось вина.

— Все верно, Сергей Павлович, — устало сказал Ибадов, опускаясь на подушку. — Товарищ Нуриманов сам нырнула. У Сафарова нет друзей родственника.

— Та-а-а, — медленно произнес Сергей. — Выходит так, Сергей Павлович.

Сергей посмотрел на Мухомова.

— К кому же он тогда приехал, этот парень? Неужели к Рахимову все-таки!

Мухомов покачал головой.

— Пустой человек. Несерьезный человек, конечно. Пьяница. Семью бросает. По базарам живет. Дел с ним вести никто не будет, конечно.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

Мухомов потер лоб.

— Я так полагаю. Верно он говорит, конечно.

Не застал он того человека. Я велел ребятам обойти весь кишлак, конечно. Узнать, кого дома нет. Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

Мухомов потер лоб.

— Я так полагаю. Верно он говорит, конечно.

Не застал он того человека. Я велел ребятам обойти весь кишлак, конечно. Узнать, кого дома нет. Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

Мухомов потер лоб.

— Я так полагаю. Верно он говорит, конечно.

Не застал он того человека. Я велел ребятам обойти весь кишлак, конечно. Узнать, кого дома нет. Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

Мухомов потер лоб.

— Я так полагаю. Верно он говорит, конечно.

Не застал он того человека. Я велел ребятам обойти весь кишлак, конечно. Узнать, кого дома нет. Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

Мухомов потер лоб.

— Я так полагаю. Верно он говорит, конечно.

Не застал он того человека. Я велел ребятам обойти весь кишлак, конечно. Узнать, кого дома нет. Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

Мухомов потер лоб.

— Я так полагаю. Верно он говорит, конечно.

Не застал он того человека. Я велел ребятам обойти весь кишлак, конечно. Узнать, кого дома нет. Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

Мухомов потер лоб.

— Я так полагаю. Верно он говорит, конечно.

Не застал он того человека. Я велел ребятам обойти весь кишлак, конечно. Узнать, кого дома нет. Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

Мухомов потер лоб.

— Я так полагаю. Верно он говорит, конечно.

Не застал он того человека. Я велел ребятам обойти весь кишлак, конечно. Узнать, кого дома нет. Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Кто же тогда остался? — спросил Сергей.

— Ведь к кому-то этот парень все-таки приехал.

— А начинать попросился к Рахимову, — добавил Ибадов.

все время как был гульмаршующей сети, которой сейчас руководила Сергей и Нуриманов.

Хмурясь, Сергей смотрел из окна на город. За его спиной на стоике вновь зашпала один из аппаратов.

— «Сокжал» — спокойно произнес Нуриманов. — Прием.

Очередное сообщение Валькова гласило: к дому подошла какой-то человек, он не знает никому из владельцев дома, тут же выскок, сын хозяйна и открыл ее. Очевидно, имеется какая-то сигнализация.

И сразу же поступило еще одно сообщение в гудение двора. Кусты около сооружения другая какашка. Она встала в соседней сады и через него на параллельную улицу. Какашка взята под наблюдение и та ушла тоже.

И опять сообщение: во дворе наблюдается нештатная суета. Хозяйка и гости запоздал что-то в гараж.

— Сергей взял у Нуриманова трубку. — Я «Звезда», отглаголю прозвище он. — Переходите на ночное видение. Немедленно осуществите мероприятия с гаражом.

И сразу же после его команды на дамской, окутанной туманной уютом возникла чья-то тень. Человек осторожно приблизился к запертым кнутиру воротам гаража, ругаясь, вынул ключи, подравнявшие петли, давно уже, видимо, не использованные, и несмело продел в них стальную дужку утюга, еще видного в темноте знака. Раздался звук отпавшей защелки. Теперь гараж оказался запертым еще и снаружи. Его ворота уже вникло из хозяев открыть не мог.

Во дворе к гаражу метнулись с глумлив выкриками двое. Но они не успели подойти к воротам. Собака, как усомнившись, и вялая хвостом, подбежала к вышедшей из дома хозяйке. Та погладила ее по тучной шерстки и, взяв за ошейник, повела в глубь двора. За кустами, покуда дама калитки, она остановилась, дважды повернула в ней калитку и рядом привзала собаку. В наступившей темноте женщина действовала сложно и не торопясь, полагая, что никто не может ее заметить сейчас.

И так же спешно она отшла от гаража, держа в лапе еще один мужчина. В руке у него было две сумки. Он что-то сказал встретившей его женщине и направился к калитке, которая вола на улицу. — Выход на работу отсюда, гласила выходящая, напоминающая бинарда прибора, укрепленного на коротком прикладе рядом с небольшим, закрытым тенью флуором проектором, и отдав, коды, она отступила в сторону от гаража. Тот, кивнув, мгновенно растворился в темноте. А Вальков, погнась ко рту маленьким микрофон, негромко вываля «Сокжал».

— Я «Звезда», Нуриманов вел переговоры с Вальковым, на стоике зашпала еще один аппарат. Сергей снял трубку, сказав шум атмосферных разрядов до него довелся эволюционный, торпильный голос Ибидова: объект кончал работу, вернувшись на базу и, сдав машину, идет домой.

— Я «Звезда», Вас пончал, — подчеркнул спойной отъезда Сергей. — Продолжайте наблюдение. Докладывайте об изменении обстановки и о движениях объекта. Прием.

Ибидов попросил разрешения задержать объект на улице, выходяще от дома.

— Ни в коем случае, — резко ответил Сергей. — Ждите сигнала.

Положив трубку, он посмотрел на часы. Двадцать два сорок пять. Не позже чем через полчаса будет встать объект. Омоверенно надо на него немедленно вернуться. Во дворах надо быть внимательным, когда там никого не будет, и сразу же отразить путь к гаражу и к задней калитке. Но тем привзала собака. Это надо учесть. Что-то.

И он предупредил Нуриманова, накинув через голову тонкий шпурок с маленьким белым микрофоном, проверил на поясе пистолет и стремительно спустился к поджидавшей его машине.

Сперва встала в репериторию дама. — По трубе Сергей привла новое сообщение Ибидова: объект встретился на улице с каким-то человеком, у того в руке две сумки. Зашла в магазин. Ибидов видит Арева.

— Я «Звезда», Продолжайте наблюдение совместно, — передала Сергей.

Вскоре его машина подехала к погруженной в темноту, пустынной улице. Сказав густые кроны деревьев еще пробивалась тусклый желтый свет ртутной лампы. Сорок минут затишья гле-ч в отдалении. Улица словно притаялась.

Машина с погашенными фарами и выключенным мотором несмело, как привидение, прокатила. Двое и один ее обогнали. Сергей решил открыться дверцы и выйти, но в этот момент негромко, настоячно зазвучала микрофон у него на груди. От Ибидова поступило новое сообщение: объект и его спутник вышли из магазина с пол-

ными сумками, свали в такси, выехали, направляются домой. Переходите объект зрительно, кудато по телефону-аппарату, набрал номер, дал последнюю цифру — «три», «семь» и «два».

«Домой зрительно», — промелькнуло в голове у Сергея.

— Продолжайте наблюдение, — передала он. — По выходе из такси задерживайтесь. Учтите, что они могут быть с оружием. Будьте осторожны. — И с удороженными глазами. — Будьте осторожны! Они могут окантатить внешность бесшумно. Если возьми, как бы ребята не опоясали! Брать-то придется с двоих, в темноте. И эти двое... кто их знает, на что они способны.

Через минуту Сергей был уже около Валькова. Не отрываясь от аппарата одного видения, тот доложил:

— Обить калитка сугла. Все время в гараж и обрешетка. Не исключать, тактирование сейчас. Сидеть открыты ворота. И тогда обнаружат замок.

Сергей не успел ответить. Его вызвал Ибидов. Сообщение гласило: тактирование продолжается на параллельную улицу, куда к задней калитке, готовятся войти.

— Стягивай окружение, — торопливо приказал Вальков Сергей. — Того, кто выйдет на улицу и попытается открыть гараж, берите сразу. И во избежание, не выключайте светку.

— Если никто не выйдет, жди моего сигнала. А я — на ту улицу, к задней калитке.

И, не дожидаясь ответа Валькова, Сергей кинулся вперед. Капос, слыша, выскочил из гаража. Тут он и все запомнил. Сейчас Сергей уверенно бежал по узким проходам, отбывая дома и гудящие высокие барабаны. Наконец, он высочился на соседней площадке и увидел кадык двигающийся прямо на него жемать фары машины, услышав гудящий и неторопливый рокот мотора.

Сергей, прыгнув за деревьями, устремился ей навстречу. Он знал: за этой машиной движется другая с погашенными фарами. Там ребята. Но кто-то должен быть и здесь. Вот он, сад, куда выходит та калитка, вот он...

Сидеть остановился совсем недалеко от Сергея. Под стрелочным светом вспыхнул эволюционный человек. В темноте предлакуя дверца. Один за другим из машины вылезла два человека, у каждого в руке ящик продуктового знака. Сергей ясно различил их.

Мимо него не спеша проехала машина с зажженными фарами и зеленым огнем. Звук мотора по степенно смолк. При слабом свете далекого уличного фонаря и увидел кадык двигающийся прямо на него доверчивые фигуры. Люди словно присауливались, к чему-то. Наконец, один из них что-то тихо сказал другому, и они собрались уже было идти, когда Сергей гудящими, давая предупредительный сигнал, поднялся над ними. Люди словно присауливались, к чему-то. Наконец, один из них что-то тихо сказал другому, и они собрались уже было идти, когда Сергей гудящими, давая предупредительный сигнал, поднялся над ними. Люди словно присауливались, к чему-то.

Приехавшие остановились, поставив сумки на землю, в руке одного из них повисла какой-то темный предмет.

В этот момент перед ними возник человек, сбоку появившись другой, где-то сзади хрустнула ветка под ногами у третьего, четвертого.

— Кто вы? — спросил у первого ругостку Сергей. Несмело передвинулся ближе к сидевшему человеку. «Что у него в руке?» — подала он наружу чувствую, как жемало забилось сердце. — Раздался в этот время доверчивый стон.

И сразу же в ответ неожиданно грохнула выстрел, в сторону другой. Раздался гудящий, протяжный шум падающего тела, чей-то отчаянный возглас: «Я не могу больше», и кадык, алая кусты, пригнувшись, кинулся в сторону от возникшей свалки.

Сергей устремился ему навстречу, уже ни о чем не думая, старшего предоступивши, и догнав, почти автоматически, давно наученным косым ударом, вкладывая в него всю тяжесть своего разогнаторного тела, опрокинул бжевавшего человека на землю. И тут же, на лету перекинув его правую руку, она выжала из судорожно сжатых пальцев пистолет.

— Гопка! — кричала за его спиной чей-то неузнаваемый, прерывающийся, отчаянный голос. — Отвесь мне, пожалуйста! Гопка!

Сергей схватил женщину, бить, бить, бить это कुछ, держась под ним тело, бить, пока оно дергается, пока живое. Он до крови закусил губу, держа от себя сдерживающего бешенства и чувствую, что горлу подступает комоч и текуть по щекам слезы.

К нему подбежала, попыталась оторвать от лежащего на земле человека, но Сергей не сразу отпустил их ушей. Наконец он аста, аста, аста увидел, как шатаясь, к нему подбегает маленький Нуриманов. Неожиданно обняв Сергея за шею, он припал к его груди и разрыдался.

Кто-то негромко сказал.

— Убит Аеров. Две пули. Наповал.

Одна за другой, алаячичи, фары, подошли машины.

— Сначала Гопку, — негромко приказал Сергей. Ибидов резко выприцался.

— Выбест понесем, Мурат.

Потом Сергей подолав одного из сотрудников.

— Вы остаетесь за старшего, Усамов. Я буду там.

Он направился через сад к калитке.

Идти в темноте было почему-то очень трудно. Ноги не слушались, болю много лемя, в висках, страшная вялость разлазилась по телу.

— Утром Сергею на работу позвонила Малакча.

— Сергей Павлович, мне сказали, что вы не приходите работать, — виновато проговорила она. — Но я все-таки...

— Да, да. Мы же условились, — ответил Сергей. — Присажайте. Вы нам очень нужны.

Он едва успел положить трубку, как в кабинет вошла Нуриманов.

— Почему не едешь отмадыть? — строго спросил он.

Сергей покачал головой.

— Сидела яли где-то в кабинете.

Нуриманов внимательно посмотрел на него и вздохнул, понив, что спорить бесполезно. Он подошел к столу и вынул папку синягар.

— Он едва успел положить трубку, как в кабинет вошла Нуриманов.

— Почему не едешь отмадыть? — строго спросил он.

Сергей покачал головой.

— Сидела яли где-то в кабинете.

Нуриманов внимательно посмотрел на него и вздохнул, понив, что спорить бесполезно. Он подошел к столу и вынул папку синягар.

— Он едва успел положить трубку, как в кабинет вошла Нуриманов.

— Почему не едешь отмадыть? — строго спросил он.

Сергей покачал головой.

— Сидела яли где-то в кабинете.

Нуриманов внимательно посмотрел на него и вздохнул, понив, что спорить бесполезно. Он подошел к столу и вынул папку синягар.

— Он едва успел положить трубку, как в кабинет вошла Нуриманов.

— Почему не едешь отмадыть? — строго спросил он.

Сергей покачал головой.

— Сидела яли где-то в кабинете.

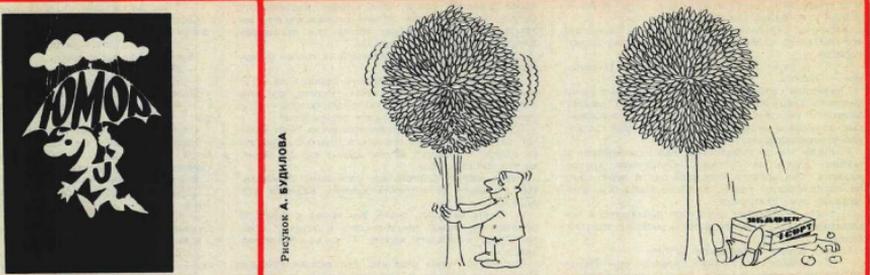

Рисунок А. ВУДИНОВА

Рисунок Н. ЗЕРКАЛА

Рисунок А. ХОРЕНОВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ МАСТЕРА ВИНОГРАДНИКОВ

МОЛОДЕЖЬ ВЫХОДИТ В ФИНАЛ

Основное внимание любителей шахмат в нынешнем году, естественно, приковано к матчам претендентов на мировое первенство. Тем не менее определенный интерес вызывает традиционный ежегодный форум сильнейших наших шахматистов. Форум предстоящего 30-го по счету всесоюзного чемпионата открывається в сентябре в Ленинграде. Весьма содержательно, по-боевому прощало отборочные полуфинальные турниры в Перми, Иваново-Франковске, Душанбеле и Новосибирске. Во многих эти состязания удались потому, что там задалась там молодые шахматисты, у которых недостаток опыта с легкой компенсировалась неуверенной игрой спортивной борьбы. И отнюдь не случайно некоторые игроки в этот раз за бортом финала первенства СССР.

Думаем, что читателям «Смены» доставит истинное удовольствие рапорт нескольких фрагментов неординарных молодых победителей полуфиналов всесоюзного чемпионата.

Перед нами доложено, возникшее в партии 20-летнего ленинградского шахматиста, чемпиола мира среди юношей 1969 года Анатолия Карпова с известным киевским мастером Янисом Кисловым досле 31-го хода черных. Известно, что инициатива у черных, буквально «оседлавших» своими тяжелыми фигурами центральную вертикаль. Но это первое впечатлительное описывается единичными четкой игрой Карпову, играющему белыми, удается выжить разном, а затем технично использовать слабость немецкой конфигурации соперника.

Вот как это произошло: 22. e2 - e3 Kp0 - g3 23. Kc2 - g2 Kc5 - e2 24. Lc1 - e2 Фe8: e2 25. Ld1 - f2 Фe2 - f3 26. Kp1 - f1 Kf8 - e5 27. Фe2 - d3 Фf3:d3 28. Ld2:d3 Kp0:f7 29. Kc4 - e3 Kp7 - e7 30. Kc3 - e2 Ld1 - h3 31. Kc4 - b4 Cb6 - c5 32. Kc4 - b2 Lh5 - f3 33. Ld3 - d2 Kp7 - e7 36. Ld2 - e2 Kp8 - d7 39. Ld2 - e3 Kf7 - e5 37. e3 - e4 e5 - c5 38. Kp1 - e2 c7 - c8 39. f2 - f3 e5: f4 40. Kc3 - e4 Cb6 - f4 41. Lc5 - e4. Черные сдались.

Здесь вы видите позицию, сообразившись в партии молодых украинских мастеров харьковчанина Владимира Савова и одессита Михаила Подгайца. На очереди 22-й ход играющего белыми Савова. Тотном маневром он вызывает выгодный для себя размен бесполовыми слонами, а затем активизирует действия на фервовом фланге. В заключении следует энергичный прорыв в центре и запомынающаяся аналитика жертва качества.

22. Cc2 - b5 Cc7 - b5 23. Lf4 - h5 Kf5 - f4 24. e2 - g2 e7 26. Lf1 - b1 Ld8 - f3 27. Lb5 - b81 Kd5 - h6 28. Lf8: f8 + Фe7: f8 29. e3 - e4 h7 - h5 30. Фe3 - d3 f5 - f4 31. e4 - e5 Cc7 - h5 32. Kf2 - h3 e6 - e5 33. g3: g4! e5: f4 34. Kp2: f1 39: e8 35. Kf3 - f2 Kf6 - d7 36. Lb1 - e1 Kd7 - c5 37. e4 - e1 Фe3 - f3 38. Ld1 - e1 d6: e5 39. e5 - e6 37: f7. e4 - e4 40. Kf2 - e4 Kp8 - f5 41. e4 - e5 Lf6: e6 42. e6 - d7 Lf6 - e8 43. d7: e6Ф +. Черные сдались.

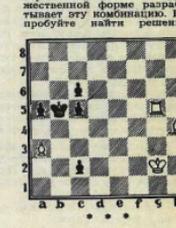
Здесь вы видите позицию, выигранную в партии 1905 года в Остеве сообразив следующая позиция:

Эта позиция была получена в партии 1905 года в Остеве сообразив следующая позиция:

Венский гроссмейстер Марк Шахтер, игравший черными против знаменитого русского шахматиста Михаила Ивановича Чигорина, писал, им трудно заставить в безнадёжно проигранный фервовое окончание. Однако Чигорин стремился ферферовать победу, про-

глядял завуалированную и очень эффективную пешую комбинацию противника. В ответ на ход 51... Фg7+ он не отступил королем, а заслонился ферзем 52. Фb7:7, думая очевидно избежать немедленного размена. Но последовало неожиданное 53... Kp0:1, и белые оказались в положении проигрыша, когда любой из ход приводит к неминуемому проигрышу. Если они играют 53. Kp0, то следует 53... Фb4+ с ничьей, а в случае отказа ферзя - черным пат!

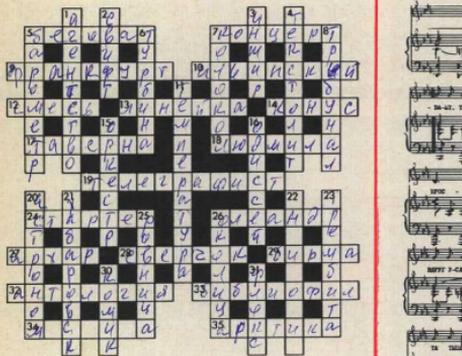
Этот видный латвийский шахматного композитора Германа Маттисона в художественной форме разрабатывает эту комбинацию. Попробуйте найти решение.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бульварный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВКИ: 233-30-87

Сдано в набор 23/VI 1971 г. А 09365. Подписано в печать 13/VII 1971 г. Формат бум. 70 x 108/4. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,25. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1775. Зака № 1640. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил Г. ЗОТОВ, г. Киров

По горизонтали:

- Город в Узбекистане.
- Исполнение музыкальных произведений, эстрадных номеров по определенной программе.
- Орган в ГДР.
- Народный артист СССР.
- Металлическое сооружение радиоразночных веществ.
- Пионерской строй.
- Изобретение в области электротехнического тока.
- Небольшая европейская гостиница.
- Героиня повести А. С. Пушкина.
- Работник учреждения связи.
- Устройство для пуска двигателя.
- Вечнозеленое растение.
- Диван барана.
- Названия отряда приморской Восточной Азии.
- Сборная южнорусских произведений.
- СобираТЕЛЬ и знаток книг.
- Порт на острове Сицилия.
- Полынная область Эвлия.

По вертикали:

- Учреждение, собирающее сведения и дающее информацию.
- Английский писатель-сатирик XVIII века.
- Породное субтропическое дерево.
- Электроннолучный телевизор.
- Математический прибор.
- Девятый.
- Чрезвычайный суд.
- Степень нагрева, тепловая характеристика.
- Новелла музыкального искусства.
- Герой древнегреческого эпоса.
- Специальность по изучению насекомых.
- Кремлевый центр в СССР.
- Руда для выплавки чугуна.
- Гудульский духовой инструмент.
- Инт. для изготовления прями.
- Окраина деревни.
- Аппалу антра.
- Цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАЧЕТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

- Крестер.
- Нафедра.
- Васия.
- Наугла.
- Делега.
- Варий.
- Варезина.
- Поршья.
- Лелиниан.
- Вережина.
- Алосева.
- Панкова.
- Стерда.
- «Домострой».
- Порошья.
- Синдлер.
- Стриж.
- Нейтор.
- Нордп.
- Почна.
- Мершана.
- Мегшана.

По вертикали:

- «Архив».
- Ойстрак.
- Перелел.
- Камерон.
- Черемля.
- «Армидия».
- Калитина.
- Амфилад.
- Велингтон.
- Пашевале.
- Метина.
- Вестон.
- «Ассеп».
- Ведра.
- Алостер.
- Степана.
- Велесей.
- Пестель.
- Литонци.
- Вордоль.
- Нодрен.
- Ромашка.

НЕ БЕДА

Слова Игоря ШАФЕРАНА Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО

Бывает, ты идешь под выходной,
Ну, просто так по улице идешь.
И вдруг услышана гре-то-то с соседкой:
«Не ты теперь, конечно, молодежь».

Привет:
И все-таки, ребята, не беда,
Что старик ворчишь иногда.
Ведь это просто грусть по тем годам,
Когда им было столько, сколько нам.

Бывает, что спленишь ты к ней — и вот:
Как будто в целом мире вы один.
А кто-то со смехом у ворот:
«Да разве так любимы в наши дни!»

Привет:
И все-таки, ребята, не беда,
Что старик ворчишь иногда.
Ведь это просто грусть по тем годам,
Когда им было столько, сколько нам.

Встречая на Байконуре ты рассвет
И жалу нес в Антарктику не раз.
Но слова чей-то вздох неслется вслед:
«Вдуга уж им, теперешним, до нас».

Привет:
И все-таки, ребята, не беда,
Что старик ворчишь иногда.
Ведь это просто грусть по тем годам,
Когда им было столько, сколько нам.

А годы не проходят стороной,
И, может, сам однажды ты вздохнешь,
Седло покачнешь головой:
«Не ты теперь, конечно, молодежь».

Привет:
И все-таки, ребята, не беда,
Что старик ворчишь иногда.
Ведь это просто грусть по тем годам,
Когда им было столько, сколько нам.

5
НА ДВА
МИНУТЫ
ИЛИ

1.

2. Соедините между собой по одному разу все черные кружки, не отрывая карандаша от бумаги. Получится метроморфическая фигура. Назовите метроморфическую фигуру, представляющую часть этой фигуры.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ. «СМЕНА» № 16

1.

1	1	1
20	10	140
2	1	1
35	70	35
1	1	11
28	14	140

2.

СОЛНЦЕ НИОЛЕ ГРУЖАУСКЕНЕ

...Это только кажется, что солнце одно, одинаковое для всех. Для всех оно разное. Особенно для художников. В глазах одного это суровый, неупреждающий вояка. Для другого — всепонимающий мудрец. Третий видит прежде всего добро, щедрость, ласковость солнца. Так отражается в изображении предметов художник, такова власть его взгляда — превращать привычные нам предметы в образы, вливать в них душу.

Чуду рождения образа никогда не перестаешь удивляться. Небольшая светлая, современная квартира. Молодая, белокурая хозяйка. Художник. Здесь мы, в этой квартире, ее мастерская. Я за-

мечаю деревянный круг, молоточник, набор зубил, металлический лист. «Туи-тук-тук-тук...» — делят молоточек. И вот уже по листу побежали волны. «Туи-тук...» — серпами в воде заходили рыбы. «Чак-чак-чак-чак...» — засверкала чешуя. И поднимается из воды с траурной короной на голове красавица Юрате...

Со стены смотрит другое девичье лицо, обрамленное легкими лентами-косичками... Раздувает веющие щепки ветер... Мать ласкает дитя... Наполняет колибельную песню бабушка...

Ниоле Грузаускене родилась и выросла в Каунасе. Она еще молода, но работы ее хорошо знают не только

в Литве. Ниоле — народных мастеров.

На одной из улиц старого города расположен небольшой салон. Демонстративные ткани и расшитые национальные пося-юста, свешенные заворюши и человнички, сделанные из соломы, корешков и обрезков юнчи, — все это можно увидеть здесь. Это работы литовских народных мастеров. Называется салон «Солнышко» — по названию одной из работ, подаренной салону художницей. Меняется экспозиция, одно остается постоянно, чтоб улыбкой встречать входящих сюда людей.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ
Фото автора

